

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

2

детской

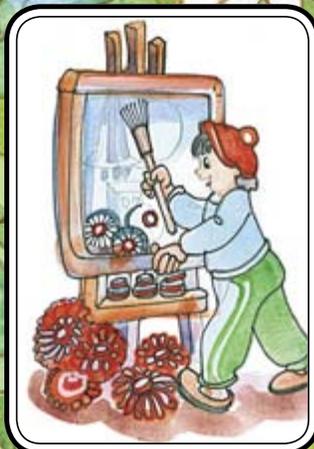
■ 2017 (212)

6+

ИМЕНА:

«Весь край этот, милый навеки...»

РАССКАЗЫ:

Мишкин подвиг

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Ирина Магидова
**Сказка
про Кузнечика**

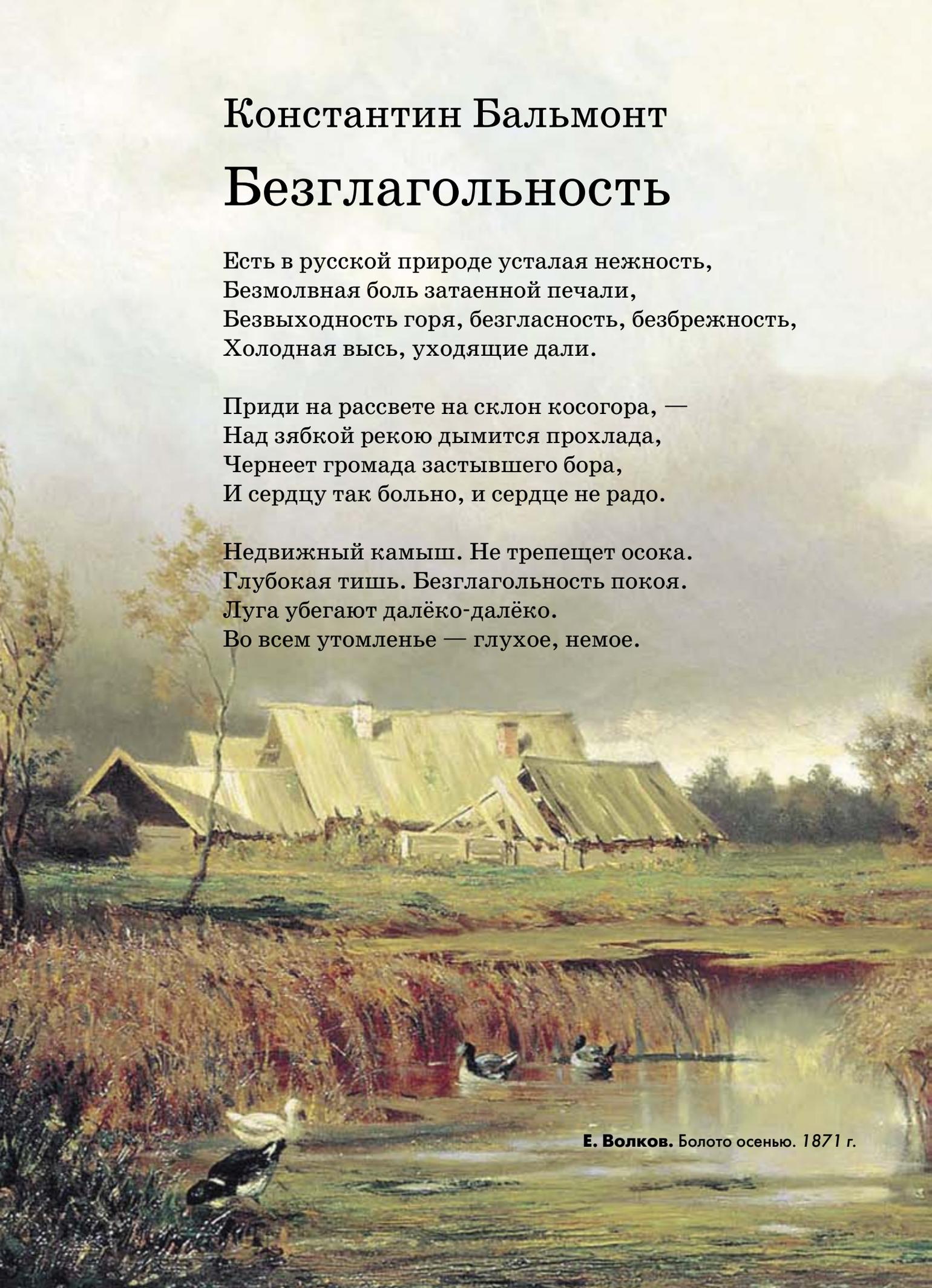
Константин Бальмонт

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всем утомленьи — глухое, немое.

Е. Волков. Болото осенью. 1871 г.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

Н. Крымов
Солнечный день
1906 г.

В номере:

3

Ирина Магидова
Сказка про Кузнечика

15

ЖИВОЙ УГОЛОК
Николай Красильников
Кукушка и Звукодуй. Ветреная Марта.
Как загладить вину

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Леонид Владимирский
Записки художника

21

ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ
Владимир Волков
Опасные приколы, или Когда ещё ума не хватает

22

УГОЛОК РОССИИ
Олег Трушин
Город «Петра» и «Павла»... У Тихого океана

26

РАССКАЗЫ
Наталья Безотосная
Мишкин подвиг

29

ИМЕНА
Валентина Коростелёва
«Весь край этот, милый навеки...»

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ
Сергей Глядков
Когда они ещё не знали, что они роботы

34

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК
Павел Гусев
Почеркушки. Бегемотик

35

БУХТИНЫ
Наталья Лопачёва
Встреча

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге
«Пресса России»
38916 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
123007, Россия, Москва,
Хорошёвское шоссе, 38
тел. +7(499) 762-63-02,
факс +7(495)941-40-66
e-mail: kz@redstar.ru,
www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 273-2017

© «Роман-газета», 2017 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Сказка про Кузнечика

Художник О. Ионайтис

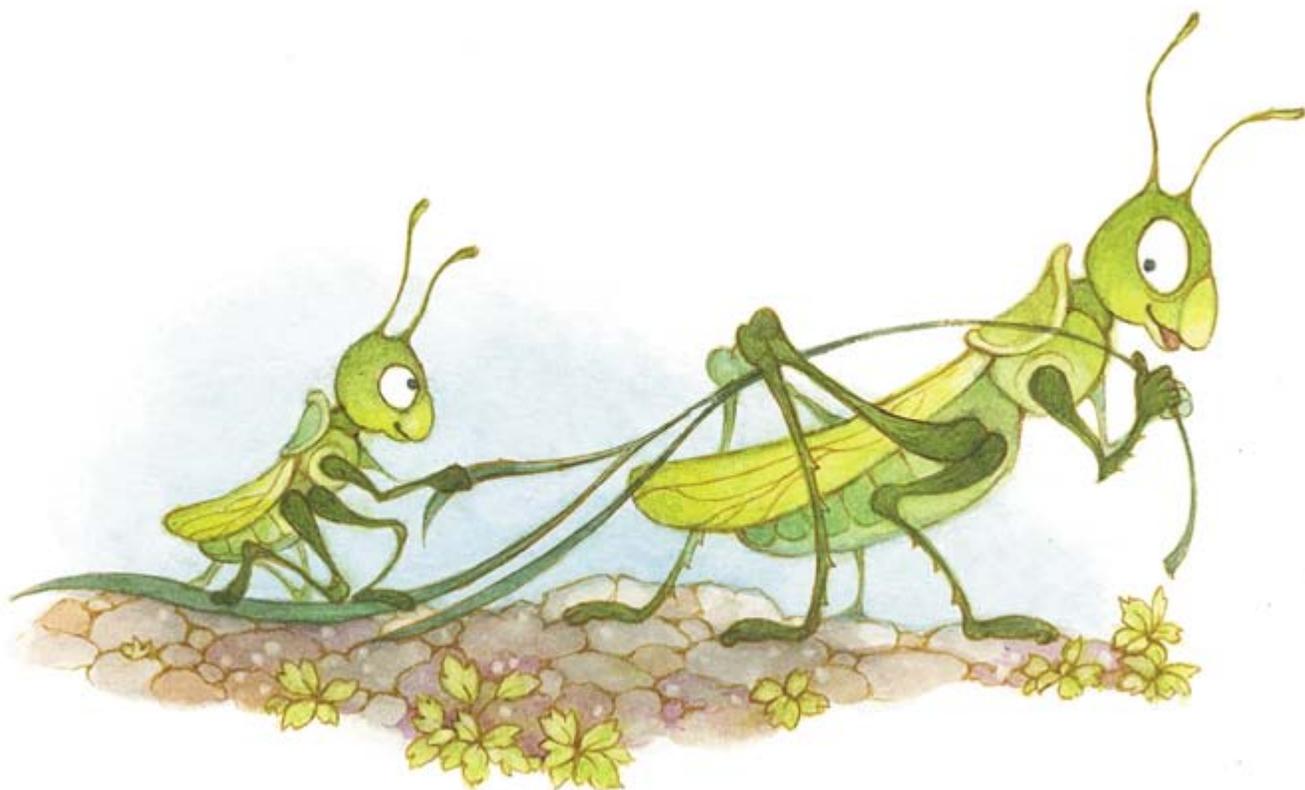
Жил-был кузнечик — ты, конечно, знаешь, что он зелёный и очень прыткий: только нагнёшься к траве на него посмотреть, а он — р-раз! — и прыгнул, да так высоко, как будто у него крылья есть или моторчик такой маленький. А это у него ножки такие хитрые: так-то они согнуты в коленках, а когда он захочет прыгнуть, они у него вмиг распрямляются, как пружинки, и подбрасывают его в воздух. Интересно так, — кажется, что даже слышно, как эта пружинка щёлкает.

Но, впрочем, ты всё это, наверное, и так знаешь. Да и сказка совсем о другом.

Так вот, жил-был Кузнечик. Только он был особенный, не такой, как все. Он прыгать не мог: у него коленки не назад смотрели, как у кузнечиков полагается, а вперёд, и ножки у него не выпрямлялись, так согнутые и были всё время. А всё потому, что, когда Кузнечик был совсем маленьким и только

учился прыгать, белка бросила в него шишкой с дерева, и шишка, большая и тяжёлая, ударила ему прямо по ногам. Не со зла, она просто маленькая была, озорница, да ещё и глупая. Нет чтобы прощения попросить и помочь-пожалеть. Бросила шишку и убежала — мол, попробуй догони. Это она играла так. А вот бедному Кузнечику было так больно! Какие тут игры? Он так плакал, так плакал! По совету большого муравья, лесного доктора, мама прикладывала ему разные лечебные травки, обертывала ножки листочками подорожника, соком одуванчика поила... Но — ничего не помогало. Вот с тех пор коленки у него и вывернулись в обратную сторону, и прыгать он перестал.

Мама возила Кузнечика везде на длинной травинке, и ему это даже нравилось. Ещё бы! Ведь он с мамой где только не побывал, чего только не повидал! И самое главное, мама столько всего рассказывала — и о том, где дождик живет, и почему солнышко просыпает-

ся и встает над лесом, а спать ложится за рекой, и когда начинают цвести ромашки и колокольчики, и почему утром весь луг в росе, и для чего гусенице нужно так много ножек... Да разве всё перечислить! Только вот весь мир вокруг ходил, летал, ползал, прыгал, приплясывал — словом, двигался. А наш Кузнечик — нет.

Но если ты думаешь, что Кузнечик всё время только переживал и тосковал, что он не такой, как все, то ты ошибешься. Каждое утро он ехал на своей травинке открывать с мамой новые места и радовался, что и на этот раз узнает что-то совсем удивительное и необыкновенное. Малыш с нетерпением ждал, когда они доберутся до широкого разноцветного луга (мама его ещё Ближним Полем называла): ведь там росли его любимые цветы и травы, и он всегда с ними весело здоровался и спрашивал, как они провели ночь. И весь луг отвечал ему множеством голосов, ромашки и лютики наклоняли к нему свои головки, колокольчики громко звенели, а белые и розовые кашки ласково ему улыбались. А потом они наперебой рассказывали ему разные истории. И наш ма-

ленький Кузнечик был совершенно счастлив!

Но время шло, и наступил день, когда Кузнечнику пора было идти в школу. Он очень волновался и даже ночь накануне спал плохо — всё думал, как это будет, кто станет вместе с ним учиться и как он со всеми подружится. Рано утром мама привезла его на опушку леса, где росла большая раскидистая сосна. Тут были и божьи коровки, и бабочки, и мотыльки, и муравьишки, и паучки, и крошечные жужелки, и гусенички, и множество всяких жучков — словом, целая толпа веселых малышей. До начала урока оставалось ещё несколько минут, и все весело топтали ножками, хлопали крылышками, верещали, смеялись, громко разговаривали и окликали друг друга, подпрыгивали и вертелись. Кузнечик совершенно растерялся... Впрочем, ты, наверное, тоже бы смутился, если бы вдруг перед тобой оказалась толпа незнакомых детей. Разве не было так, когда ты в первый раз пришел в детский сад? Или в школу, в первый класс? Вспомни. Да ещё не забудь, что ты сам пришел, а Кузнечика-то на травинке привезли. Его ведь можно позвать, правда?

Кузнечик испуганно посмотрел на маму, но она была спокойна, как обычно, и это его немножко приободрило. Он опять повернулся к веселящейся толпе и стал её рассматривать. В центре порхала необыкновенной красоты бабочка — как будто танцевала, не касаясь земли. Кузнечик никогда раньше таких не видел. Он смотрел на нее во все глаза, не отрываясь, и даже сказать ничего не мог от волнения. «Вот бы с кем подружиться», — думал он.

— Смотрите, смотрите, — раздался вдруг чей-то пронзительный голос прямо над его головой, — какого уродца привезли!!! Ха-ха, на травинке! Ишь, как в нее вцепился!

И вся эта шумная толпа обернулась к Кузнечику.

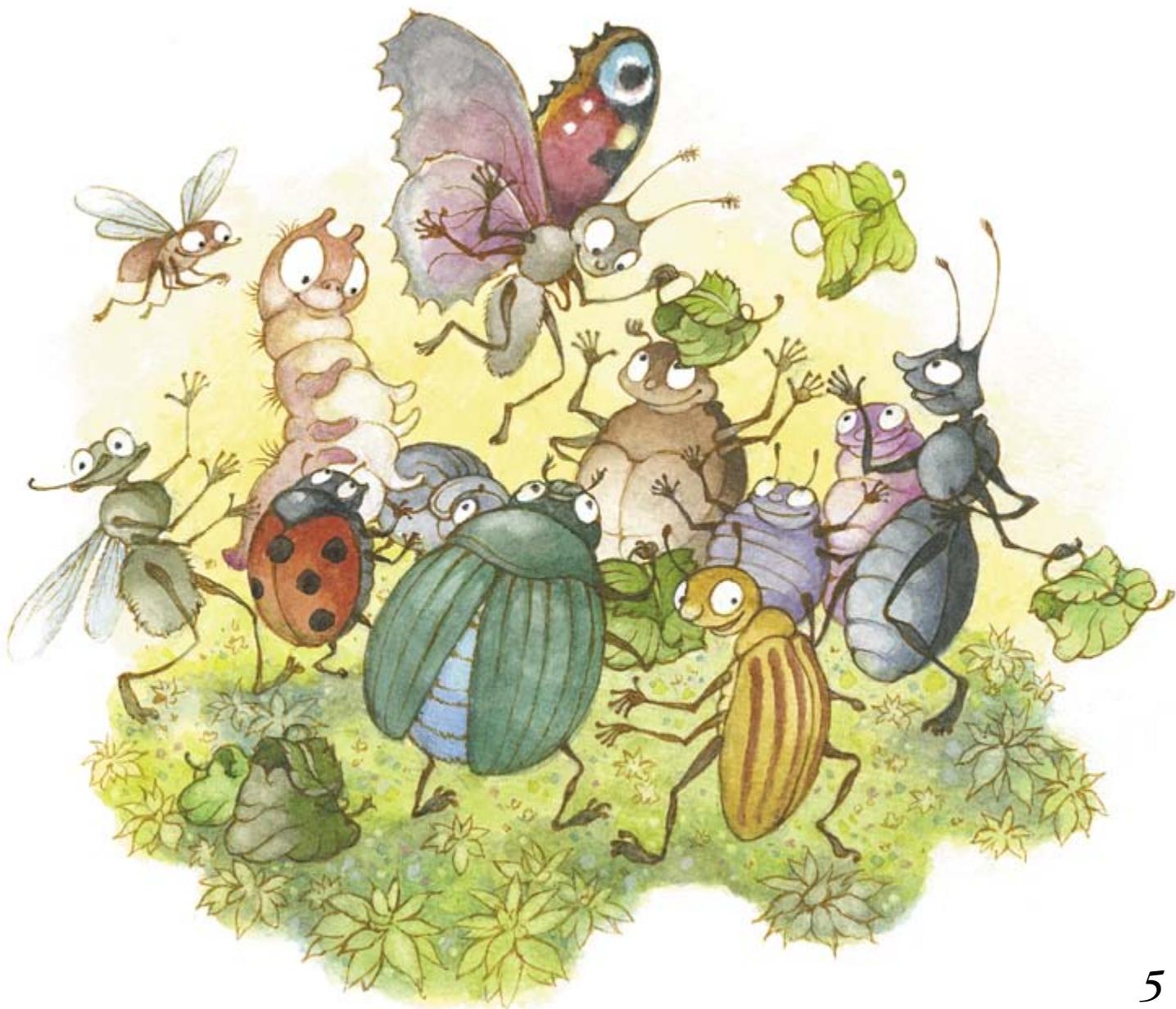
Кузнечик не сразу понял, о ком идет речь и что «уродец» — это он сам. Он решил, что с ним хотя бы познакомиться, и начал было улыбаться, как тот же визгливый голос опять закричал:

— Нет, вы поглядите, ещё и улыбается! Ну, вообще!

Толпа окружила Кузнечика, раздались отдельные смешки, и через какую-то секунду на него уже все показывали лапками и крылышками и покатывались от хохота.

— Ну и урод! Надо же! Смотрите, смотрите, вот он! Уродец! У него колени вперед! Умора! — слышалось со всех сторон.

Наш Кузнечик совершенно растерялся и не знал, куда спрятаться от визжащих, хохочущих, широко разинутых

ртов. Он испуганно втянул голову в плечи, но смех не прекращался, а, наоборот, становился все громче. Ни мама, ни учитель — большой жук-дровосек в кожаном коричневом пиджаке — не могли унять разошедшихся малышей. И маме пришлось развернуть травинку и увести Кузнечика обратно домой.

Так невесело закончилось его первое школьное утро. Но, наверное, спросишь ты, неужели среди всех малышей, насмеявшихся над нашим Кузнечиком, не нашлось ни одного, кто бы встал на его защиту? Нет, конечно, такие были, но... Понимаешь, когда вокруг тебя начинают громко хохотать, прыгать и что-то кричать, не всегда удается сразу понять, что происходит, и так и тянет присоединиться к этому веселью. А если и понял, не всегда можешь всех перекричать и заставить себя слушать. Так было и на этот раз. Вот, например, Божья Коровка и маленький Шмель вовсе не хотели обижать Кузнечика — наоборот, они были на его стороне и с самого начала кричали так громко, как только могли:

— Перестаньте! Как вам не стыдно! Замолчите!

Но... они были в самой середине толпы, их голосов не было слышно в общем хохоте. Как ни старались они вырваться и встать рядом с Кузнечиком, чтобы защитить его, им это не удалось. Оба ужасно переживали и думали, что

именно они во всем виноваты. Но только Кузнечик ничего об этом не знал.

Всю дорогу домой Кузнечик плакал и говорил:

— Ну почему? За что? Что я им сделал? Да, у меня коленки вперёд, но разве это смешно?

— Послушай, — утешала его мама, — они же маленькие и ничего не понимают. Не обращай внимания. Посмеются и перестанут — надоест. А вот если ты будешь плакать и показывать, что тебе неприятно, обидно, что тебя это задевает, то они будут смеяться ещё больше. Ещё раз тебе говорю: они совсем маленькие — им смешно все, чего они никогда не видели.

Но Кузнечик никак не мог успокоиться.

— Значит, я и правда урод, — горько всхлипывал он, — ведь они все это кричали!

— Ну что ты! Какой же ты урод, — отвечала мама. — Спроси цветы на лугу — они тебе скажут, что ты очень добрый и умный малыш, и мы тебя очень любим.

Но он качал головой:

— Нет, это ты так говоришь, потому что ты моя мама.

Плакал он и дома. Мама приносила ему его любимые книжки с картинками, которые она делала сама из лепестков, подаренных луговыми цветами, — он отворачивался. Даже на свои игрушки, сплетенные мамой из тонких травинок, не хотел смотреть. Тогда она поставила перед ним тарелку вкусного супа и сказала:

— Знаешь что, давай-ка будем обедать!

Кузнечик не ел с самого утра и, конечно, проголодался, но все равно продолжал плакать, и слезы его капали прямо в тарелку.

— Послушай, — уговаривала его мама, — завтра, если кто-то начнет опять смеяться, ты спокойно сделаешь вид, что ничего не замечаешь. И они отстанут, вот увидишь.

— Нет! — воскликнул, плача, Кузнечик. — Никакого завтра не будет! В школу я больше не пойду! Никогда!

И как раз в эту минуту раздался тихий стук в дверь их домика.

— Кто там? — крикнула мама.

— Это мы, — слышались робкие голоса.

Мама открыла дверь — на пороге стояли двое: Божья Коровка и маленький Шмель.

— Здравствуйте! — улыбнулась мама.

— Мы... мы к... Кузнечику, м... можно? — И оба опустили головы.

Мама ещё шире улыбнулась:

— Конечно, проходите.

Кузнечик удивленно смотрел на вошедших. Божья Коровка и Шмелёнок топтались у порога, не решаясь подойти поближе.

— Садитесь-ка с нами, мы как раз обедаем, — сказала мама и подтолкнула совсем смутившихся малышей к столу.

— У нас сегодня суп из мышиного горошка, — сказала мама. — Он очень вкусный.

Гости по-прежнему молчали, не поднимая головы, и лишь искоса поглядывали на Кузнечика.

— Вот, попробуйте. — И мама поставила перед ними полные тарелки.

Божья Коровка наконец решилась:

— Мы пришли... прощения попросить... у Кузнечика.

— Да, — встрепенулся Шмелёнок, — прощения. Мы не хотели, мы все время кричали, чтобы они перестали. И хотели около тебя встать.

— Да-да, правда, — подхватила Божья Коровка. — Но их было так много, шум был такой, что нас не услышали, и вот...

Она замолчала и вздохнула.

— Точно, — кивнул Шмелёнок, — нам очень стыдно за них. И за себя, что не смогли тебе помочь. Но только это всё неправда, что они тебе кричали. Это всё ерунда. Ты ничем не хуже их. И мы хотим с тобой дружить, вот!

— А ты согласен? — тихо спросила Божья Коровка.

Слёзы у Кузнечика тут же высохли.

— Конечно, конечно, согласен! — воскликнул он радостно.

— Теперь мы всегда вместе, — сказал Шмелёнок. — И в школу завтра тоже вместе пойдем! И послезавтра тоже!

— Да, — подхватила Божья Коровка, — мы им всем скажем, что Кузнечик с нами и его нельзя обижать!

— Ну вот и хорошо, — рассмеялась мама, — а теперь давайте доедайте суп!

Да, вот так невесело начался и так замечательно закончился этот полный событиями день. Неожиданно, правда? Казалось, так все было плохо — хуже не бывает. Да ты и сам наверняка хорошо знаешь, каково это, когда над тобой смеются, причем все! И что бы тебе мама ни говорила, как бы ни утешала, ты всё равно не веришь. Тебе кажется, что ничего уже изменить нельзя, что всё ужасно — и что все по-прежнему будут хохотать и показывать на тебя пальцами, потому что ты не такой, как все.

И на душе становится так тяжело, так тоскливо, что хочется убежать, спрятаться так, чтобы тебя никто не видел и не нашёл никогда. Но только такому настроению ни в коем случае нельзя поддаваться — тогда будет ещё хуже. Нужно сопротивляться. И верить, что, в конце концов, всё будет хорошо. Ведь после холодной зимы всегда приходит весна. А самый-самый долгий дождь обязательно когда-нибудь закончится и опять начнет светить солнышко! И если ты ни в чем не виноват, а все несправедливости к тебе сегодня, обязательно появится кто-то — вроде Божьей Коровки и Шмелёнка, — кто готов тебя поддержать. Добро всё равно одержит верх. Но вернёмся к нашей истории.

Утром Кузнечик проснулся очень рано — солнышко только встало. Теперь он собирался в школу совсем с другим настроением, чем накануне. Он знал, что с ним его друзья, они не дадут его в обиду. И точно, оба — и Божья Коровка, и Шмелёнок — ждали его у самой двери. Они радостно поздоровались и отправились в путь. Шли они так: в середине мама везла на травинке Кузнечика, слева с боевым видом вышагивал Шмелёнок, а справа мелко семенила Божья Коровка, держась лапкой за травинку. Кузнечик уверенно смотрел вперёд. Под большой сосной, как и вчера, шумела весёлая толпа. Заметив Кузнечика, многие стали опять кричать и смеяться. И даже красавица бабочка, которая вчера так поразила Кузнечика, присоединилась к ним. Но на сей раз всё вышло по-другому.

Шмелёнок вышел вперёд и встал перед толпой, загородив собой Кузнечика. Это было так неожиданно, что шум стих. Нахмурившись, Шмелёнок громко крикнул:

— Эй, вы! Кузнечик — наш друг! И если кто посмеет его обидеть, будет иметь дело с нами. Пусть только попробует! Вы все знаете, как я умею кусаться.

— А я защекочу любого, кто начнёт над ним смеяться! — звонко добавила Божья Коровка.

В наступившей тишине раздался капризный голос красавицы бабочки:

— Подумаешь! Очень надо связываться с каким-то там Кузнечиком. И с каким-то Шмелёнком или Божьей Коровкой. Кому они нужны?

— Посмотрим ещё, как этот Кузнечик учиться будет! Он, наверное, и не знает ничего, — слышался тот же самый визгливый голос, что и вчера. Но теперь друзья увидели, кому он принадлежит: это была большая зелёная муха. Она сидела на плече паука и злобно ухмылялась. Шмелёнок тут же взлетел и с грозным жужжанием кинулся на обидчицу.

Муха сразу поняла, что он не шутит и правда может её укусить. Она страшно испугалась и бросилась наутек. Влево, вправо кидалась она, пытаясь спастись, и в конце концов забилась под кожаный пиджак жука-дровосека. Шмелёнок сердито тряхнул головой и полетел обратно к друзьям. Тогда красавица бабочка с недовольным видом махнула своим разноцветным крылышком и воскликнула:

— Ой, да ну его, этого Кузнечика. Что о нём говорить, неинтересно совсем. Пошли на урок, а то вон учитель ждёт.

Кузнечик ликовал. Это была победа! Его огорчила только бабочка. И то только потому, что она была такая красивая и ему хотелось ей понравиться.

Итак, наш маленький Кузнечик начал учиться вместе со всеми. Как ты думаешь, ему легко было? Ведь он всё никак не мог забыть то первое утро и втайне боялся, как бы оно не повторилось. Конечно, теперь рядом с ним всё время были Шмелёнок и Божья Коровка — уж при них никто не осмеливался над ним смеяться. Но ты сам понимаешь, как трудно сразу стать уверенным после того, что с ним тогда случилось. Даже если около тебя верные друзья, в любую минуту готовые тебя защитить. Нет, да и подумаешь, — а вдруг опять? И снова чувствуешь, что ты не такой, как все. А ведь это очень неприятно! И поэтому вначале Кузнечик вёл себя в школе тихо и робко. Да и во время уроков он стеснялся отвечать на вопросы жука-учителя и больше молчал и опускал глаза. Почему, спросишь ты?

Да потому, что боялся привлечь к себе внимание, не хотел, чтобы на него все смотрели.

Но это вовсе не значит, что он ничего не понимал или лентяйничал. Наоборот, ему всё было интересно, и домашние задания он делал легко и быстро. Мама только радовалась. А Шмелёнок и Божья Коровка теперь всегда были рядом. Каждый день они возвращались вместе к Кузнечику домой, мама кормила их обедом, а потом они так же вместе делали уроки. И часто именно Кузнечик находил ответ первым и разгадывал особенно хитрые загадки. И вот однажды жук-учитель задал своим ученикам вопрос:

— Куда исчезает утренняя роса на лугу в середине дня?

Ученики молчали и только переглядывались. И тут встал Шмелёнок и громко сказал:

— А вы спросите Кузнечика. Он точно знает.

Все удивлённо повернулись к Кузнечнику, а жук-учитель ласково прогудел:

— Ну что ж, Кузнечик, попробуй.

Кузнечик страшно смутился, даже покраснел, но пересилил себя и прошептал:

— А её солнышко днем высушивает.

— Правильно! — Учитель был очень доволен, а ученики закричали:

— А откуда ты знаешь?

— А мне мама рассказывала, и я сам видел на лугу, как утром росы бывает много, а днем на солнце все меньше и меньше становится, — уже смелее ответил Кузнечик.

— Молодец! — Жук улыбнулся, а маленькая пушистая гусеница воскликнула:

— Надо же!

И Кузнечик опять покраснел — на этот раз от удовольствия.

С этого дня отношение к нашему Кузнечнику стало меняться. Всем постепенно становилось ясно, что он не только умный и много знает, но ещё и добрый и всегда готов помочь. И игры придумывал, каждый раз новые. В общем, с ним было интересно. И сначала пушистая гусеница, за ней паучок, потом стрекоза, а затем и многие другие малыши стали просить друзей принять их в свою компанию. Конечно, Шмелёнок и Божья Коровка всё равно по-прежнему охраняли Кузнечика — и правильно делали, правда? Кто знает, может, кому-нибудь опять пришлось бы в голову приняться за старое — слишком мало времени прошло с того первого школьного утра. Вот они и не спускали глаз с тех, кто к ним просился в друзья. Но пока, слава богу, всё шло мирно.

И даже красавица бабочка забыла про свои капризы — приглядывалась, приглядывалась, да и подлетела как-то раз к Шмелёнку и спросила как бы между прочим:

— А что это у вас тут так весело?

— А это Кузнечик разные фокусы показывает, — ответил Шмелёнок и с гордостью добавил: — Он у нас много чего умеет!

— Фокусы? — удивилась бабочка и взмахнула разноцветными крылышками. — Ой, а... а мне можно посмотреть?

— Ну, не зна-а-ю, — протянул Шмелёнок. — Ты же вроде сама говорила — да ну его! что о нем говорить! неинтересно совсем! кому он нужен? Помнишь? А теперь, значит, нужен? Теперь интересно стало? С чего это вдруг?

Бабочка смутилась и опустила голову:

— Ну, так... — и замолчала.

— Ага! — воскликнул Шмелёнок. — как увидела, что все с Кузнечиком дружить хотят, так и ты туда же, тут как тут! И что? Думаешь, мы прямо так сразу тебя в друзья примем? Это мы ещё посмотрим!

Бабочка всхлипнула:

— Но ведь я всё поняла! Я у него прощенья попрошу, честное слово!

— Прощенья она попросит, — сердито прожужжал Шмелёнок. — Только если при всех. Обидные слова при всех говорила — и прощенья проси при всех.

— Хорошо, — тихо сказала бабочка.

А Кузнечик в это время сидел на большом камне недалеко от сосны и показывал разные фокусы с маленькими листочками, семечками и зёрнышками. Вокруг него собрались жучки и гусеницы. Они ахали и смеялись и хлопали лапкой о лапку, когда фокус заканчивался. Было очень шумно и весело! Бабочка подлетела к камню и встала перед всеми, сложив крылышки. Все замолчали. И тогда бабочка громко сказала:

— Кузнечик, прости меня, пожалуйста. Я тебя обидела тогда. Мне очень стыдно. Я больше так никогда не буду. Правда!

Кузнечик так удивился, что сначала даже ничего сказать не смог — только смотрел на бабочку, широко раскрыв глаза. Но потом улыбнулся и ответил:

— Да что ты! Я уж это всё давно забыл. И не обижаюсь.

— А можно мне с вами? — спросила бабочка.

— Ну конечно! — воскликнул Кузнечик.

Все вокруг загалдели и захлопали лапками.

И тут появилась муха — да-да, та самая, которая тогда над Кузнечиком первая насмеяться стала, а потом от Шме-

лёнка улепётывала. Она подлетела к камню, села на краешек и з-заз-з-зудела:

— З-з-з! А я? А меня прос-с-стишь? З-з-з! Мне тож-ж-же с-с-стыдно...

— Ишь ты, какая быстрая! Стыдно ей! — сердито сказал мухе Шмелёнок. — А тогда не стыдно было обзываться?

— И правда, — подхватила Божья Коровка. — Ведь первая начала — сколько гадостей Кузнечнику наговорила, кем только не называла — и всех против него подняла.

— Да-да! Верно! А теперь её прощать? — уже почти кричал Шмелёнок.

Муха лапки подобрала, крылышки одно под другое спрятала — чуть ли не два раза меньше стала: уж так ей стыд-

но, так стыдно! И главное, все на нее смотрят... Ужас, как неприятно! А никуда не денешься, не спрячешься — обступили её плотной толпой, вот-вот прогонят. И тут Кузнечик вдруг улыбнулся Шмелёнку и Божьей Коровке:

— Да ладно, бог с ней! Я уж на неё и не обижаюсь. Пускай сидит.

И он кивнул съёжившейся мухе:

— Давай, смотри, я сейчас ещё один фокус покажу.

Что тут началось! Поднялся шум. Все жучки да мошки стали прыгать и приплясывать. А гусеничкам-то очень трудно подпрыгивать — слишком они для этого длинные. Так они что придумали — свернулись колечками и давай крутиться волчком. Вот до чего все обрадовались, что Кузнечик ни на кого

зла не держит и даже своих главных обидчиков простил!

Ну, а пока они радуются и веселятся, давай-ка мы с тобой отойдем в сторону и подумаем. Вот, казалось бы, всё хорошо, и можно заканчивать эту историю. Но только не дает мне покоя один вопрос: а легко ли было Кузнечнику прощать, а бабочке да мухе прощенья просить?

Ведь если так посмотреть, — Кузнечика-то как обидели! Самое большое его несчастье высмеяли, — то, что у него коленки вывернуты были и он прыгать не мог. Уродом называли. Помнишь, как он, бедный, плакал? Даже мама его утешить не могла, а ведь как она старалась. Ты бы такое простил? А вот он простил. Легко простил, с улыбкой. Ни минуты не сомневался. И ему от этого так хорошо на душе было! Так светло! А ведь мог и дальше обижаться и даже злиться. Да только был бы он тогда счастлив? Как ты думаешь?

А бабочка с мухой? Ведь когда они так зло смеялись над Кузнечиком, им как будто даже весело было.

А потом Шмелёнок с Божьей Коровкой их в первый раз пристыдили, и куда их веселье подевалось? Вот если бы ты был на их месте, ты бы как себя чувствовал?

Да что говорить, ты и сам знаешь, как неприятно бывает, когда понимаешь, что плохо поступил. Но это ещё полбеды. А вот прощенья просить в таком случае как? Ты-то сам наверняка не раз в этом положении оказывался — и понимаешь, что виноват, а как трудно заставить себя произнести эти слова: «Прости меня, пожалуйста!» Правда? Зато потом, когда их скажешь, — как легко на душе становится! Как будто тяжелый груз сбросил! Так что и бабочку с мухой тоже понять надо. Они, может, давно поняли, что им повиниться перед Кузнечиком надо. Да только на это тоже смелость нужна. А найти её, эту смелость, ох, как непросто! И все-таки они попросили Кузнечика их простить. Да ещё при всех попросили — а ведь это особенно трудно. Ну, разве они не молодцы?

Только ты не думай, что наша сказка на этом заканчивается. Вовсе нет. После того, как все помирились, у Кузнечика началась совсем другая жизнь. Теперь он с радостью собирался в школу и смело отвечал на уроках. А потом весело играл вместе со всеми около большого камня. Но по-прежнему каждое утро его ждали у дома самые близкие друзья — Шмелёнок и Божья Коровка. Они помогали маме везти Кузнечика в школу и обратно домой. И в школе его сами везде на травинке таскали. И домашние задания они по-прежнему делали вместе, после вкусного обеда, которым, как всегда, угощала их мама. А когда все уроки были сделаны, они вместе с мамой отправлялись на луг, который Кузнечик так любил. Он познакомил Божью Коровку и Шмелёнка с луговыми цветами, и те рассказывали теперь свои истории всем троим. И это было так интересно! А однажды...

Однажды друзья сидели на лугу и слушали сказку про маленькую ромашку, которая никак не могла вырасти и поздороваться с солнышком. Ей мешали другие цветы — они были слишком высокие и росли так тесно, что ромашке просто не оставалось места для роста. И тогда одна жужелица ей посоветовала:

— Знаешь что? Там за колокольчиками растёт низкая трава, и если ты переберешься туда, то увидишь солнце.

— Да, но как же мне туда перебраться? — спросила ромашка.

— А ты постарайся наклониться к земле и тянись к колокольчикам — тянись, тянись каждый день, каждый час. Глядишь, и дотянешься, — ответила ей жужелица.

Так маленькая ромашка и сделала. Каждый день, каждый час изо всех сил тянулась она по земле к колокольчикам — и в конце концов увидела солнечный свет!

Вот такую историю рассказали друзьям луговые цветы. И тут Шмелёнок задумался.

— А почему бы нам то же самое не попробовать? — сказал он наконец. — Ведь если Кузнечик начнёт трениро-

ваться, то, может быть, и он научится прыгать, хотя бы немножко?

— Ой, как было бы здорово! — воскликнула Божья Коровка. — Конечно, надо попробовать! У ромашки получилось, и у нашего Кузнечика получится. Обязательно!

— Ну, решайся. — Шмелёнок даже громко зажужжал от волнения. — А мы тебе поможем!

— Да-да! Поможем! И ты будешь прыгать, вот увидишь! — Божья Коровка вскочила и щёлкнула верхними крыльшками:

— Соглашайся!

— Хорошо, — неуверенно сказал Кузнечик, — давайте попробуем.

И тут заговорили цветы:

— И мы поможем, и мы! Прямо сейчас начнём, не откладывая!

Ромашки наклонились низко к земле, Шмелёнок с Божьей Коровкой перетащили Кузнечика на жёлтую серединку цветка и помогли ему усесться поудобнее.

— А теперь мы резко распрявимся и поднимем тебя, — сказали ромашки.

— Только ты ничего не бойся, — поспешил успокоить его Шмелёнок. — Мы с Божьей Коровкой взлетим вместе с тобой и будем сверху тебя придерживать. Самое главное, чтобы ты понял, что такое прыжок вверх. А там уже дело пойдёт веселее!

И тренировка началась.

Шли дни. Сначала у Кузнечика ничего не получалось. Один раз он едва не упал с высоты — хорошо, что друзья вовремя успели его подхватить. Но он так сильно хотел научиться прыгать — хотя бы чуть-чуть! И в конце концов через несколько недель он сумел немножко распрямить ноги и оторвался от земли. Пусть это было невысоко, но он подпрыгнул! Сам!

Как же радовались Шмелёнок и Божья Коровка, как радовались цветы на лугу! А уж про маму я и не говорю — она просто плакала от счастья.

Но в школе о тренировках Кузнечика никто не знал. Друзья решили держать

всё в секрете. Пусть, договорились они, Кузнечик однажды не на травинке в школу приедет, а придёт сам, своими ножками. То-то все удивятся! То-то радости будет! Так и случилось. Настало утро, когда все увидели, как к школе, подпрыгивая и слегка прихрамывая, приближается Кузнечик, а за ним — мама и Шмелёнок с Божьей Коровкой.

— Смотрите! Смотрите, — крикнул кто-то. — Так это же наш Кузнечик! Он прыгает! На самом деле!

Все зашумели, закричали, замахали лапками и крыльшками:

— Ура-а-а! Он прыгает! Сам!

Кузнечик сиял от счастья.

— Это всё они, мои друзья! — воскликнул он. — Это они мне помогли! И мама! Они меня каждый день тренировали. Вместе с цветами на лугу. Без них я бы ничего не смог!

Радостная толпа окружила Кузнечика и его друзей — все его поздравляли и даже стали качать, подкидывая в воздух!

Вот так счастливо закончилась эта наша история. И слава богу!

Осталось только добавить, откуда я о ней узнала. Однажды тёплым летним вечером я сидела под яблоней и читала.

И вдруг на раскрытую книгу прыгнул маленький кузнечик. В общем-то, в этом нет ничего удивительного: кузнечики — частые гости в нашем саду. Но что-то в нём было необычное. Я стала присматриваться и увидела, что у него ножки вывернуты коленками вперёд.

— Бедный малыш, — ахнула я. — Как же ты можешь с такими ножками прыгать, да ещё так высоко?

И тут я услышала тоненький весёлый голосок:

— И вовсе я не бедный! У меня знаешь, какая мама? А какие друзья? И прыгаю-то я именно благодаря им.

И Кузнечик рассказал мне всё, о чём ты только что прочитал.

Ирина Марковна Магидова выдающийся ученый-филолог, профессор и великолепный, любимый преподаватель филологического факультета МГУ. Ирина Марковна изучала и преподавала фонетику английского языка, его звучание — самый первый и самый тонкий, интимный момент овладения иностранным языком, который определяет одновременно, насколько чутко твое ухо к звуку чужой речи и насколько достоверно будешь звучать ты сам, когда заговоришь на иностранном языке, как будут тебя воспринимать.

Ирина Марковна говорила на английском языке так, как звучат великие английские романы, языком Диккенса и Джейн Остин, а первокурсникам (и иногда первокурсни-

Юлия Флягина Кузнечик на раскрытой книге

кам) филологического факультета поневоле приходилось ощущать себя Элизой Дулиттл во власти неумолимого профессора Хиггинса.

Здесь Ирина Марковна впервые предстает в качестве автора сказок для детей. Она писала эти сказки для одного маленького мальчика, своего внука. Это сказки-беседы, неспешные, уютные, назидательные, устанавливающие связь и преемственность поколений. Ирина Марковна верила, что такая преемственность обязательно должна существовать, что семья — это лестница, где старшие помогают младшим видеть дальше и стоять крепче, опираясь на плечи предыдущих поколений.

Сказка про Кузнечика первая из цикла сказок о Ближнем Поле, где среди дремучих трав обитают шмели, божьи коровки, бабочки и даже такие маленькие мошки, которых и не заметишь, если они с тобой здороваются. Наверное, именно тонкий безупречный слух, настроенный на чужую речь, позволил автору услышать, о чем шелестят в поле травинки и стрекочет насекомый народ, а чуткость и восприимчивость — уловить переживания хрупкой юной души.

В простоте и вечном движении цветущего луга эта сказка хранит в

себе настоящие жемчужины, тайнички добра и мудрости в сверкающих росинках:

«Однажды друзья сидели на лугу и слушали сказку про маленькую ромашку, которая никак не могла вырасти и поздороваться с солнышком. Ей мешали другие цветы — они были слишком высокие и росли так тесно, что ромашке просто не оставалось места для роста. И тогда одна жужелица ей посоветовала: «Знаешь что? Там за колокольчиками растет низкая трава, и если ты переберешься туда, то увидишь солнце». «Да, но как же мне туда перебраться?» — спросила ромашка. «А ты постарайся наклониться к земле и тянись к колокольчикам — тянись, тянись каждый день, каждый час. Глядишь, и дотянешься», — ответила ей жужелица. Так маленькая ромашка и сделала. Каждый день, каждый час изо всех сил тянулась она по земле к колокольчикам — и в конце концов увидела солнечный свет!»

Мне кажется, что эти сказки могут многим маленьким ромашкам дотянуться до света. А те, кому повезло знать Ирину Марковну, всегда найдут какое-нибудь воспоминание, в котором хранится что-то незабываемое и непреходящее.

ЖИВОЙ
УГОЛОК

Николай Красильников
Художник Г. Беда

Кукушка и Звукодуй

Было мне тогда четырнадцать лет. Вместе с солнышком и первыми майскими грозами в нашу тополиную рощу прилетела кукушка. И — сразу принялась считать:

— Ку-ку!

«Дай, — думаю, — спрошу вещунью: сколько мне жить?» Спросил — и прислушался.

— Ку-ку, ку-ку! — завелась кукушка.

Я стал считать. Досчитав до двадцати, приготовился и дальше считать, но тут кукушка вдруг умолкла. Улетела. Загрустил я. Маловато вроде...

— Ты чего нос повесил? — спросил через забор сосед, учитель биологии.

Рассказал я ему про кукушку, а сосед улыбается:

— Что взять с кукушки. Тем более, если это не Она, а Он. Самцы кукушки плохо знают арифметику. И больше двадцати — хоть убей — не считают. А вот есть такая птица — звукодуй. Любого математике научит...

— Что за звукодуй? — удивился я. — Я про такую птицу не слышал.

— Удод, — засмеялся сосед.

Вскоре я забыл об этом разговоре. Вспомнил о нём только через много лет, после того, как побывал в автомобильной аварии.

Я лежал в саду на тахте под абрикосовым деревом. Задремал — и вдруг слышу:

— Ду-ду!

Открыл глаза — смотрю, удод. Сидит на заборе. Распушил полярный гребешок и качается взад-вперёд:

— Ду-ду, ду-ду! — и впрямь звукодуй.

Обрадовался я — и дрёму, словно рукой сняло — спросил мысленно птицу, сколько мне жить, и стал считать. До двухсот двадцати я насчитал громкое «ду-ду», а потом устал. Куда мне столько жить? Пожалуй, соскучишься...

Ветреная Марта

На нашем балконе белая голубка Марта свила гнездо. Отложила в него два яичка, но высидивать их почему-то не стала — улетела.

Чубарый сизарь Петя остался у гнезда один. Походил вокруг него, походил, бубня что-то сердитое, а вскоре тоже исчез. Однако дня через два он снова появился на балконе, но уже не один — с новой подругой. Она осмотрелась вокруг и безропотно накрыла гнездо. А тут, откуда ни возьмись, прилетела законная хозяйка. Марта с налёту стала отгонять соперницу, но не тут-то было! Петя встал на защиту будущей мачехи и смело отбил гнездо от ветреной подружки. Так велика оказалась его обида. Не зря же знатоки-голубятники подмети-

ли, что у голубей отличная память на хорошее и плохое. Марта улетела и больше не появлялась. А вскоре балкон наполнился весёлым писком птенцов.

Как загладить вину

Козёл Яшка под окном у Настасьи обломал всю сирень. Начал с «десерта»: съел сначала рясные гроздья, а на «обед» принялся за голые прутья.

Увидела такое варварство Настасья и обомлела. Уж очень она любила свою сирень!

Подняла хозяйка оказавшуюся под ногами хворостину и обходила ею как следует ненасытного Яшку:

— На, тебе, на! Будешь знать, как издеваться над красотой!

Не стерпел козёл наказания, убежал. Только к вечеру Настасья увидела Яшку возле крыльца. Он стоял с пышным кустом сирени в зубах (спёр у соседей!), и виновато поглядывал оливковыми глазами на свою хозяйку.

Видимо, хотел загладить вину.

Записки художника Леонид Владимирский

Подарок судьбы

Правильную оценку творчеству художника, писателя или музыканта может дать только время. Лет этак через пятьдесят всем станет ясно, что работа хорошая, а автор её — талант. Но уж больно долго ждать, а без похвалы работать трудно. Поэтому я советую всем творцам прекрасного перед началом работы, не дожидаясь добрых слов со стороны, глубоко вздохнуть и тихо прошептать заклинание:

*Я талант, большой талант,
Я добьюсь успеха!*

А что такое вообще талант? По моему мнению, это способность воспри-

нимать окружающий мир по-своему, не так, как все, и видеть красоту там, где другие её не замечают. Талант — это подарок судьбы. Это шанс, который нельзя упустить: шанс путем упорной учебы и ежедневной работы добиться успеха и стать мастером в своем любимом деле.

Приносить пользу людям и доставлять им радость — в этом состоит счастье доброго таланта.

Но хватит рассуждений! Пора мне приняться за работу...

В. И. Суриков. Боярыня Морозова. 1887 г.

В. И. Суриков. Переход Суворова через Альпы. 1899 г.

Телефонные разговоры

Я, детский художник, всегда стараюсь рисовать конкретно и понятно. И заниматься каким-то там беспредметным, отвлеченным, абстрактным рисованием мне незачем.

Но так случилось, что в моей мастерской появилась небольшая выставка абстрактных рисунков.

Когда я раскрашиваю иллюстрации, то пробую краски на отдельном листе бумаги, и остаются цветные мазки и пятна. Неожиданный телефонный звонок прерывает работу. Но и во время разговора правая рука карандашом, кисточкой или фломастером машинально пририсовывает к пятнам на палитре какие-то загогулины, абстрактные фигурки. Причем если разговор приятный — то округлые, а если не очень — то угловатые, резкие.

Такое рисование заранее обдумать нельзя, оно интуитивно. Но так как человек по своей сути бессознательно стремится к красоте и гармонии,

то и рисунки получают эти качества, необходимые художественной абстракции.

Так появилась выставка «Телефонные разговоры», а я стал абстракционистом.

Как нарисовать движение

Всем понятно, что ни на листе бумаги, ни на полотне нарисованные герои не могут двигаться. Но художник-волшебник должен создать для зрителя иллюзию движения.

Добиться её не так-то просто.

Замечательный иллюстратор русской истории, живописец Василий Суриков задумал на картине «Боярыня Морозова» провезти свою героиню на санях из правого нижнего угла вглубь картины. Но у зрителей картины почему-то никакого впечатления, что сани движутся, не было.

Тогда художник пришёл внизу картины добавочный холст: удлинил санный след. Этим он увеличил разбег саней. А ещё дорисовал слева от

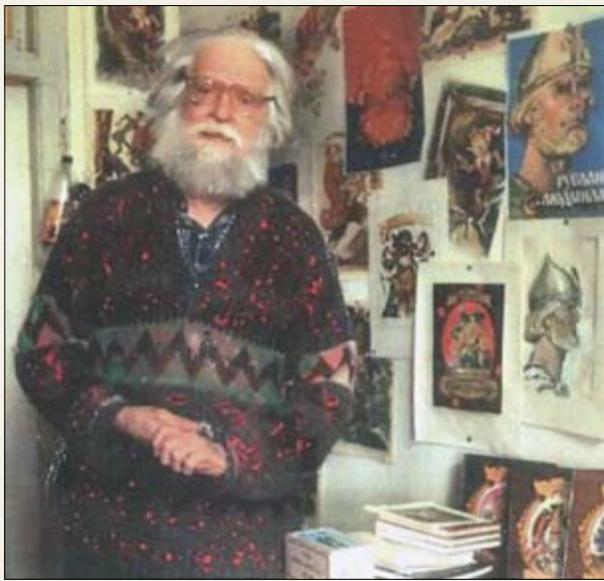
Иллюстрация Л. Владимирского к сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»

саней бегущего за ними мальчишку. Но пришел к художнику Лев Толстой и посетовал: «Сани-то, уважаемый, у вас не движутся! Застряли!»

Суриков родился в Сибири, и у него был настойчивый характер. И он, видимо, решил во что бы то ни стало добиться иллюзии движения.

Иллюстрация Л. Владимирского к книге «Волшебник Изумрудного города»

Л. Владимирский

В картине «Взятие снежного городка» Суриков изобразил казака на коне, который перескакивает через снежную стенку из глубины картины навстречу зрителю. И опять неудача: лошадь «застряла» на стенке без движения.

Надо отдать должное настойчивости Сурикова: в картине «Переход Суворова через Альпы» он добился успеха. У зрителей картины создается полное впечатление, что солдаты Суворова действительно скользят по льду и ска-

тываются сверху вниз на головы неприятеля.

В чем же секрет успеха художника?

Дело в том, что существует такая закономерность: зрители верят в нарисованное движение только в том случае, если оно направлено сверху вниз (как падают предметы), слева направо (как мы читаем книгу), или, наконец, между ними, по диагонали: из левого верхнего угла в правый нижний (словно на санках с горки).

Но никак не наоборот, как в случае с боярыней Морозовой.

Узнав такой важный секрет, я стал посылать своих героев бегать и прыгать только по хорошим направлениям.

Так, на одном из моих рисунков вы можете наблюдать, как кровожадный Людоед с поднятой палицей бросается из левого верхнего угла книги через весь разворот в правый нижний угол, где его уже с поднятым топором дожидается Железный Дровосек.

А на другой иллюстрации смелый витязь Руслан скачет на лихом коне к своей возлюбленной Людмиле — конечно же слева направо!

«Ваши иллюстрации полны динамизма», — заметил итальянский писатель Джанни Родари.

Иллюстрация Л. Владимирского к произведению А. Волкова «Урфин Джус и его деревянные солдаты»

Иллюстрация Л. Владимирского к сказке А. Толстого «Приключения Буратино»

Опасные приколы, или Когда ещё ума не хватает

Мы уж не раз рассказывали о разных опасностях, которые подстерегают вас и дома, и на улице: один мальчик случайно выпал из окна, другой попал под машину... В последнее же время появились ребята, которые попадают в беду не случайно, а по своей глупости.

Двое мальчишек спорили — кто из них круче. И вот в разгар спора один сказал другому: «А тебе слабо перебежать проспект прямо перед машинами? А я запросто!» И рванул. Теперь менее крутой дружок навещает «смельчака» в больнице.

Еще три приятеля хвастались друг перед другом, кто из них лучше плавает. Жили они на берегу подмосковного водохранилища. Ну, и все трое бросились в воду. А до берега доплыли только двое.

Другие ребята доказывали, что они самые крутые не перед своими друзьями-приятелями, а перед всеми, кто их увидит на улице. А самые продвинутые выкладывали свои акробатические номера в «сети». Ради этого они бегают, перепрыгивая через скамейки и лестницы, носятся по крышам домов, катаются на крышах поездов метро и электричек.

Врачи из Института Склифосовского, куда привозят всех этих «трейсеров», «руферов», «зацеперов», рассказывают, что спасти удастся далеко не всех.

Что ж теперь, послушно сидеть сложа руки? Нет, я совсем о другом хочу сказать. В жизни случаются ситуации, когда ты можешь, что называется, показать себя, всем доказать, что ты не мокрая курица или, как говорили в нашем дворе, не замухрышка какая-нибудь.

В газете, например, недавно было напечатано о десятилетнем мальчишке, который не раздумывая бросился в пруд и вытащил упавшего малыша. По телевизору показали другого мальчишку — он вынес из горящего дома двух маленьких девочек. Третий мальчик помог задержать преступника. Он увидел в окно, как какой-то парень выхватил из рук девушки сумку. Мальчик выскочил на улицу и догнал того парня на улице и закричал: «Он украл сумку!» Парня задержали. Начальник милиции сказал тому мальчику: «Окончишь школу, приходи к нам. Нам нужны такие смелые, решительные люди».

О с Ашишки

По тогдашней моде Коробочка чесала мужу пятки, а себе пудрила мозги.

Чичиков отличается приятной внешностью, но неприятной внутренностью.

Любил ли Обломов Ольгу? Да, но как-то по-русски: лежа, вяло и очень недолго...

Обломов Ольгу любил, но не испытывал к ней никаких чувств.

Базаров — глейбей.

Базаров поранил палец и умер. Это значит: не лезь в чужой труп, а то свой потеряешь.

Герасим лишен нормативной речи.

Герасим подошел к Муму и потладил ее лобастый затылок.

Муму не могла есть, и Герасим ей помог.

Художник В. Юдин

Город «Петра» и «Павла»... У Тихого океана

Олег Трушин

Десятого июня 1740 года небольшой парусный бот «Святой архангел Гавриил» под командованием Ивана Фомича Елагина, выполняя задание руководителя второй камчатской экспедиции Витуса Беринга по поиску места для организации предстоящей зимовки, выйдя из больших вод Тихого океана, зашёл в огромную бухту, плотно окружённую высокими скалистыми сопками. Это была бухта Авачинская. Штурману бота надлежало было не просто найти место для зимовочной стоянки, но и соорудить офицерские дома и матросские казармы, выстроить церковь, одним словом, быть готовым к встрече команды двух парусников. Выбор пал на тихую гавань между двумя большими сопками (теперь это рас-

положенные в черте города Петровская и Никольская сопки)...

Шестого октября 1740 года два парусника-пакетбота «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел», под командованием командоров Алексея Ильича Чирикова и Витуса Ионанссена Беринга, датчанина по происхождению, служившего русскому флоту, бросили якоря в ковше огромной тихоокеанской бухты.

Гавань, где остановилась экспедиция, была названа командором, Витусом Берингом, в честь Святых апостолов Петра и Павла, а само место, где было разбито зимовье, — Петропавловской гаванью. Так, волею судьбы мореплавателей, в бухте Авачинской у Никольской сопки был основан город Петропавловск-Камчатский.

Ныне, совсем недалеко от Вокзальной площади, возвышается памятник основателю города. Чёрная гранитная колонна, как символ славы, стоящая на мощном камне — постаменте, на котором закреплена памятная доска с надписью «основателю Петропавловска в 1740 году мореплавателю Берингу». Петропавловцы утверждают, что памятник этот отлит в двадцатых годах XIX века в Санкт-Петербурге в эпоху не то Александра I, не то Николая I.

Что привлекает в Петропавловске-Камчатском с первого взгляда? Близость Тихого океана или пейзаж горных сопкок, поросших зелёной травой. А может быть, красота заснеженных вершин «домашних» вулканов или морская гавань с множеством боль-

ших и малых судов. А может быть, седовласые в чёрный крап нерпы или чёрные как смоль бакланы, для которых океан — родной дом. Но я бы отметил вот что! Расположение самого города. Для не посвящённого в его территорию он кажется безбрежным. Не сразу угадаешь, в какой части города находишься. Да и остановки — «километры» путают. Едешь на автобусе и не знаешь, когда же конец городу и когда выберешься на его окраину. Растянулся Петропавловск-Камчатский на многие вёрсты, прихватив подножия сопки, припустив свои улицы так, что протянулись они извилистыми лентами меж возвышенностей, создавая порой ощущение, что город-то вырос на ровном поле. Конечно, те дороги, что ведут к гавани, пологими не назовёшь, порой круто несутся они вниз, и тут уж ничего не поделаешь, сопки делают своё дело. Так, поднявшись на гору Мишенная, откуда открывается изумительный вид на Авачинскую бухту и портовую часть города, мы потом почти бегом «катились» вниз, преодолевая встречающиеся на пути кедровые стланики, заросли берёзок и плотные крепи борщевика. Подниматься тяжело, но и спуститься дело не из лёгких.

...Утренний выброс тумана с океана ещё не рассеялся, и над сопками, окружающими город, нависла тяжёлая курящаяся седая хмарь. Казалось, что ещё совсем чуть-чуть, и она ляжет на улицы города, его площадь, накроет гавань, с толпящимися возле неё большими и малыми судами, и всё окружающее потеряется из виду. Вообще-то жители города давно привыкли к «большой» воде. Водный путь тут — один из двух маршрутов отправки и прибытия, как говорят здесь, на материк. Хоть и полуостров Камчатка, да вот путь на эту таинственную зем-

Памятник В. С. Завойко — первому губернатору Камчатки

Памятник святым апостолам Петру и Павлу

Памятник Витусу Берингу

лю возможен только по воде или по воздуху. Нет тут дороги по суше, чтоб связала полуостров с материком, как не было её и несколько столетий тому назад, когда пришли на эту землю отряды первопроходцев-открывателей.

Много первооткрывателей земли Камчатской торили по ней путь, но в первую очередь у нас на слуху со школьной скамьи Степан Петрович Крашенинников и Владимир Владимирович Атласов, жившие в разное время, но оставившие на земле камчатской свой след. О Камчатке писал ещё и знаменитый путешественник Георг Вильгельм Стеллер, участник второй экспедиции Витуса Беринга.

Держу в руках увесистый том «Описания земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова, в котором с дотошностью и скрупулёзностью исследователя-путешественника, описывается всё, что связано с полуостровом. Много где успел побывать во время своей экспедиции Крашенинников. Видел реку Камчатку и даже составил её подробнейшую карту; был на другой крупной реке — Тигиль и добрался до Курильского озера, откуда вытекает река Озёрная. Видел вулкан Ключевская сопка, да и много ещё чего. Но для нас главный вопрос: был ли путешественник в местечке, где спустя два года после его первого путешествия по полуострову был заложен град во имя Петра и Павла? Можно с уверенностью сказать, что на берегах Авачинской бухты не был, а вот на горячих ключах в местечке Паратунка, что совсем недалеко от нынешнего Петропавловска-Камчатского, бывал. Случилось это в 1738 году в январе месяце с 26 по 29 число.

Но если Степан Петрович Крашенинников был прежде всего учёный-исследователь,

Авачинская бухта

то Владимир Владимирович Атласов, выстроивший на полуострове Верхний и Нижний камчатские остроги, — первооткрывателем, сказавшем в своих письменах «Сказках» первое слово о земле далёкой, что у самого Восточного океана, как тогда называли Тихий океан. Рубеж двух веков XVII и XVIII поры Петра Первого, есть время присоединения Камчатки к Русскому государству. Ещё нет карты полуострова, а русские казаки-первопроходцы уж затесали свои порубежные остроги на дальней русской земле. От той поры, до основания Петропавловска-Камчатского пройдёт ещё не одно десятилетие.

Первые деревянные домишки, сторожевые башни-остроги у подножия и на холмах Авачинской бухты — таким видели будущий город у моря путешественники-мореплаватели, заходившие в «большой» карман Великого океана. А было их тут немало. От Чарльза Кларка, умершего во время плавания и нашедшего на берегу бухты своё последнее пристанище (белая мраморная стела, установленная англичанами на его могиле — одна из главных достопримечательностей нынешнего города), до французского адмирала Жана-Франсуа Лаперуза, памяти которого ныне в центре города недалеко от Никольской сопки установлен по-

минальный камень, увенчанный якорем и цепью. В более позднее время заходили в тихую гавань корабли экспедиций Крузенштерна и Лазарева, Невельского и Литке и многих других прославленных русских мореплавателей.

Не сразу появилась карта Камчатки, а вместе с ней Авачинской бухты и города Петропавловска-Камчатского на её сопках. Огромных трудов потребовалось, чтобы до мельчайших подробностей очертить изрезанные малыми и большими бухтами берега полуострова и нанести их на карту.

Ныне, глядя на карту полуострова, отмечаешь исключительную необычность его формы — словно огромная рыбина, (кстати, очень смахивающая на горбушу!), выгнув спину, развалился он между огромных водных стихий — Охотского и Тихого морей, омываемый ещё и ближе к Полярному кругу Беринговым морем, отпустив от себя череду больших и малых островов. Кто теперь знает, если бы не укромная Авачинская бухта, где бы пристали в ту далёкую пору корабли экспедиции Беринга? Воистину, город мореплавателей — Петропавловск-Камчатский рождён океаном!

С чего начинается город? Может быть, с одной из главных улиц или с соборной площади.

А может быть, с исторического памятного детинца, чьи земляные валы возвышаются древним курганом. Или тихими улочками, хранящими в себе тайну седой старины. Но морской город всегда начинается с порта! И Петропавловск-Камчатский в этом не исключение.

У причала, «где негде яблоку упасть», — корабли от мала до велика. Туристические, рыболовецкие, сторожевые. Бортом к борту, порой задевая друг друга, трутся они день и ночь, дожидаясь своей отправки в воды бухты, а кто и в открытый океан. Привычная картина порта Петропавловска-Камчатского.

С Авачинской бухты, как ни пытайся, всё одно весь город не увидишь! Несколько рядков, утопающих в зелени, многоэтажек, словно по ступенькам взбирающихся ввысь, да холмистые вершины сопки, до которых ещё не «добрался» город. Торцы многоэтажек, окованные железом, — спасение от северящих промозглых ветров, и к тому же одна из достопримечательностей Камчатки. Такие необычные «латы» на камчатских домах я впервые увидел в Елизово, небольшом городке, расположенном всего лишь в нескольких верстах от столицы Камчатского края и являющемся, в сущности, его пригородом.

Петропавловск-Камчатский — город, «обнятый» Тихим океаном и вулканами. Великая сила двух стихий — воды и глубинных недр земли — как неотъемлемая часть городского пейзажа. Не каждый город похвастается таким «соседством»!

Никольская сопка — особое место в Петропавловске-Камчатском. Сопкой любви называют её горожане. В праздничные дни людное, а по будням тихое, уютное и укромное местечко среди деревьев и трав, с потрясающим видом на бухту со стоящими на рейде кора-

блями, на строгий и величественный контур Вилючинского вулкана, на городской пляж и с противоположной стороны на рыбный порт с десятками рыболовецких судов. Овеянная боевой славой, ставшая священным местом для горожан, она холмистой грядой, поросшей рощей каменных берёз, словно могучий непотопляемый сторожевой крейсер, выдвинулась в океанские воды Авачинской губы. Со стороны внешнего рейда бухты сопка кажется вовсе неприступной.

Берег тут, едва подступив к воде, обрывается многометровым отвесом, местами обнажив бурые, крошащиеся сланцы горных пород. И, наоборот, с другой стороны, обращённой к городу, со стороны сквера, подняться на сопку не составляет большого труда, — дорога, ведущая вверх, а затем и многоступенчатая лестница приведут вас к монументу Славы — небольшой часовенке из строгого чёрного мрамора, увенчанного главкой с православным крестом. «Памяти павших при отражении атаки Англо-Французского флота и десанта 20–24 августа 1854 года» значится на одной из мемориальных досок, установленных на часовне. Поставили этот памятный знак на сопке ещё в пору императора Александра III в 1881 году, когда были живы участники той героической обороны города и не зарубцевались страшные раны на сопке от пушечных ядер. Много годков прошло, а высится на самой вершине сопки строгий монумент. От подножия сопки не видать его — густо разрослась берёзовая роща на склонах сопки. Установили, что многие деревья, что растут на сопке, — свидетели той героической обороны города.

А самой третьей батарее лейтенанта Александра Максута на Никольской сопке свой,

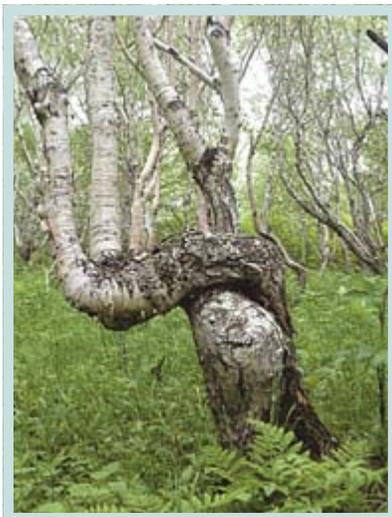

Старый дом Петропавловска-Камчатского

особый памятник. С видом на Авачинскую бухту выстроились в ряд пушки на лафетах, сделанные по образу и подобию тех, что были у защитников крепости-города. Говоря об обороне города в Крымскую войну, важно вспомнить и того, под чьим руководством оборонялся город. Адмирал Василий Степанович Завойко. Недалеко от бухты ему установлен памятник.

Петропавловск-Камчатский — Город воинской славы! На городской площади установлен памятный знак — триумфальная колонна с государственным гербом, в честь присвоения городу высокого звания.

...Плещутся о каменистый берег, облизывая огромные бурые валуны, воды Авачинского залива. В погожий день на набережной всегдалюдно. При-

ятно прогуляться узкой тропкой, что тянется по берегу бухты, созерцая её огромный простор и высокие скалы Никольской сопки. Шуршит под ногами разноцветная галька, и пенная волна накатывает на береговую кромку, крики чаек над простором большой воды и утопающие в сизой дымке марева контуры горных хребтов.

Памятник святым апостолам — Петру и Павлу. Он совсем недалеко от бухты, там, где Озерновская коса берёт подъём и устремляется к сопкам. Апостолы словно подняли над бухтой православный крест. На памятнике надпись: «Святые апостолы Пётр и Павел, небесные покровители стольного града земли Камчатской». Установлен сей монумент в честь столетия православия на Камчатке.

Петропавловск-Камчатский — город на сопках. Есть в городе и Красная сопка, и Сапун-гора (как в Севастополе) и Петровская сопка, и Мишенная сопка.

Русский город «Петра» и «Павла» раскинувшийся у Тихого океана. Город моряков и рыбаков, вулканологов и путешественников... где каждый его уголок расцвечен русской историей. С Петропавловска-Камчатского начинается Россия на дальних её восточных рубежах.

Мишкин ПОДВИГ

Сто лет назад в центре города появился новый дом. Высокий, бирюзовый. С белыми колоннами и балконами, стеклянными башенками, задорно сияющими на солнце. А по вечерам у парадного входа зажигались бронзовые фонари. Они напоминали раскрывающиеся бутоны цветов. Но больше всего дом гордился лепными фигурками сказочных животных на фасаде. Все прохожие заглядывались на этот дом. И он быстро привык считать себя самым красивым. Сначала в доме хотели устроить музей живописи или скульптуры. Но ничего не вышло. Дом то покупали, то продавали, и в нем работали скучные люди со скучными бумажками. Так прошел век. Вокруг прекрасного дома вырастали другие здания, похожие на огромные спичечные коробки. Они ничего не знали об искусстве. И нашему дому с ними было неинтересно. Постепенно замечательный дом одряхлел, за ним никто не ухаживал, а он сам не мог справиться со своей старостью. Дом покинули даже скучные люди. Впрочем, о них он не сожалел. Его беспокоили трещины на колоннах, разбитые стекла на башенках, куда без церемоний проникал ветер. А больше всего дом переживал из-за потемневших и облупившихся фигур сказочных животных.

Когда дому исполнилось сто два года, о нем вспомнили в городе и решили поздравить со столетием. Сначала домик обрадовался, понадеявшись на ремонт. Ему торжественно присвоили звание «Памятник истории и культуры», а... На этом праздник закончился. От обиды юбилар совсем расстроился.

— Тебя скоро снесут! — сообщила ему знакомая синица. Она была любознательной птицей и всегда всем интересовалась.

- Куда снесут? — испугался домик.
- Не «куда», а откуда, — поправила его птица, пригладив клювом свои голубовато-зеленые перышки. — С лица земли!
- А что же тогда на этом лице останется? — загоревал домик.
- Коробки! — свистнул пролетающий мимо зяблик.
- Значит, ремонта не будет? — прошептал домик.
- Земля под тобой дорогая. Понимаешь? — прищурилась синица.
- Ну и что? — ответил домик. Он был старомоден и хорошо разбирался только в искусстве, а не в торговле.
- Тебя хочет купить большая фирма «Отдай деньги». Я сама слышала! — тихо сказала синица, прохаживаясь около дома. — На этом месте построят пивной магазин.
- Не выйдет у них злодейства! — надулся домик. — Я важнейшее звание имею: «Памятник истории и культуры». Меня по закону охранять обязаны «в интересах настоящих и будущих поколений». Сам читал!
- Директор фирмы «Отдай деньги» жалобу написал о том, что тебя по ошибке памятником назвали, — вздохнула синица.
- Звание отнимут, а домик снесут! — пробормотал зяблик, взмахнув черно-белыми крыльями.
- Я бороться буду! — с достоинством возразил старый дом. — Ради настоящих и будущих поколений!
- А им не всё равно? — подумав, крикнул зяблик...
- Мимо этого дома третьеклассник Мишка постоянно ходил в школу. И всегда с разным настроением. Но в тот день, когда Мишка получил двойку по рисованию, настроения Мишки и старого домика совершенно совпали. Идти домой мальчику не хотелось. Он жил в одной из новостроек, напоминавших огромные спичечные коробки.
- Мишка присел на порожек старого домика возле бронзовых фонарей и вздохнул.
- Что случилось? — спросил старый дом.
- Мальчик вздрогнул и выронил портфель. Мишка покосился на фигурки сказочных животных. Там были то ли птицы, то ли звери с цветами и приветливыми улыбками, задумчивые и мечтательные... Кто же из них говорящий?
- Это я с тобой беседую! — не выдержал дом. — Позвольте представиться: Памятник истории и культуры! Ты каждый день мимо меня ходишь!
- А я — Мишка, — прошептал мальчик.
- Почему грустный? — спросил дом. — Ты же совсем молодой!

— По рисованию двойку поставили, — пробормотал мальчик. — Сказали: я не разбираюсь в искусстве.

— Где же тебе разобраться! — посочувствовал дом. — Живешь в такой безвкусице!

— А ты... — Мальчик присмотрелся к старому дому. — Ты когда-то был очень красивым. Правда?

— Мне бы хорошую реставрацию! — мечтательно вздохнул дом. — Я бы и теперь засверкал!

— А почему тебе никто не помогает? Денег нет?

— Пивную хотят построить на моем месте, — с горечью ответил дом.

— Кто? — возмутился Мишка.

И домик всё ему рассказал...

— Я тебя спасу, когда вырасту! — с горячностью произнес Мишка.

— Тогда уже нечего будет спасать! — вспылил зяблик. Птица прогуливалась неподалеку и была готова вступить за культуру.

— Что же я могу? — растерялся Мишка. — Хотелось бы, конечно, подвиг совершить и разобраться в искусстве. Но я же ещё не взрослый?..

Ничего не пообещав, Мишка ушел домой. Весь вечер он вспоминал сказочных животных, стеклянные башенки и грустный свет бронзовых фонарей.

Ночью Мишке приснились грохочущие бульдозеры. Они шли по развороченной земле, а из-под колес вылетали бирюзовые обломки...

Следующее утро было воскресным, но Мишка не стал отсыпаться, а спозаранку побежал к старому дому и увидел...

— Не сбилось, — облегченно выдохнул Мишка.

Дом по-прежнему стоял на месте, хотя и в болезненном состоянии. Вокруг дома прогуливался толстый дяденька и оценивающе посматривал на бронзовые фонари.

— Эй, парень! — Толстый дяденька заметил Мишку, призывно махнул ему рукой. — Смотри, красота, какая! Мороженого хочешь? Покарауль здесь, пока я за инструментом съезжу.

— Каким инструментом? — насторожился Мишка.

— Разнообразным, — усмехнулся дяденька, — топор, пила электрическая... Мне эти фонари на даче пригодятся.

— Не позволю! — крикнул Мишка. — Может, вы ещё и за бульдозером сбегаёте?!

— Бульдозеры только послезавтра придут, — с сожалением проговорил толстяк, — раньше не успеваем. А ты чего разорался? Домик не твой...

— Мой! — неожиданно для себя произнес Мишка. — Дом — памятник истории и культуры, а они мне не чужие!

— Кто? — не понял толстяк.

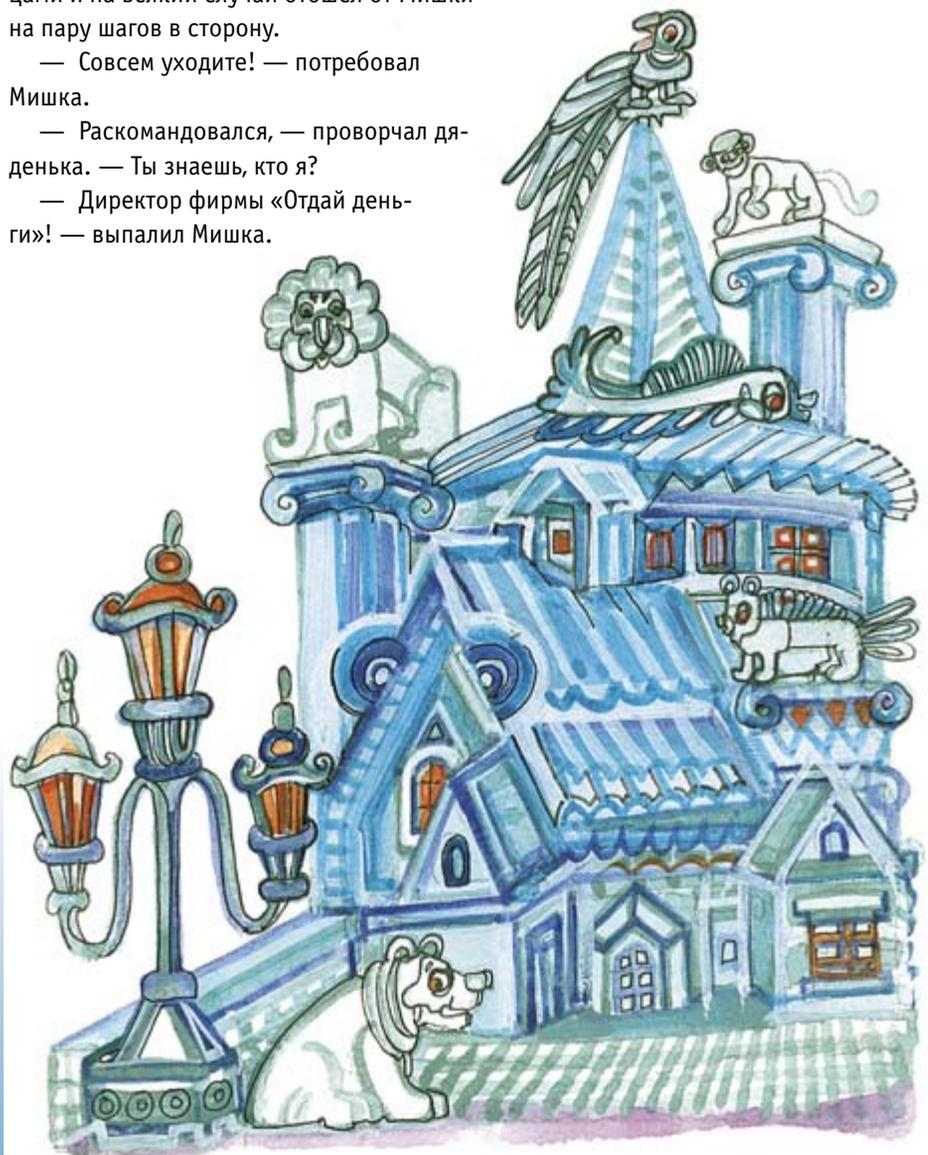
— История и культура! — крикнул Мишка. — Лучше не подходите к этому дому со своим инструментом! Я насмерть стоять буду!

Толстый дяденька удивленно захлопал ресницами и на всякий случай отошел от Мишки на пару шагов в сторону.

— Совсем уходите! — потребовал Мишка.

— Раскомандовался, — проворчал дяденька. — Ты знаешь, кто я?

— Директор фирмы «Отдай деньги!» — выпалил Мишка.

— Нет, я его водитель, — покачал головой толстяк. — Что ты можешь против нас?

— Народ соберу! — твердо заявил Мишка. — Дежурить здесь будем и днем, и ночью! А от вашей фирмы не то что денег — следа не останется!..

Две птицы, тихо сидевшие на балконе старого дома, приободрившись, вспорхнули в светлое небо...

Мишка сдержал слово. Он всем рассказал про старый дом: папе, одноклассникам, учителям, соседям...

Помочь захотели не все. Кому-то нужно было срочно поиграть в футбол, кому-то — сходить в кино, а кое-кому — прочесть вчерашнюю газету. И все-таки дежурства начались.

Узнав о культурной охране, к дому приехал директор фирмы «Отдай деньги». Он мало чем отличался от своего водителя.

— Красота какая! — хмыкнул директор, заметив бронзовые фонари.

Защитники старинного дома сделали шаг вперед.

— Это что за «первомайская» демонстрация? — нахмурился директор. — Расходитесь. Не мешайте бульдозерам!

— Вы не имеете права культуру уничтожать! — крикнул Мишка.

— Далась тебе эта культура! — всплеснул длинными руками директор фирмы. — Зачем?

— Без культуры человеком не станешь, — сказал Мишкин папа.

— А я тогда кто? — обиделся директор. — Ископаемое?

— Какой же вы человек, если из памятника пивную хотите сделать? — удивилась Мишкина одноклассница, Ася.

Директор оценивающе посмотрел на дом.

— Из него гостиницу можно соорудить, — задумчиво проговорил директор. — Назову: «Хауз-отель». Довольны?

— А русский язык вам не годится? — вздохнула Мишкина учительница, Лидия Павловна.

— Вы гостиницу каким путем сооружать будете? — насторожился Мишка. — Нашему дому реставрация необходима.

— Это я вмиг! — оживился директор. — Старые окна уберем, поставим пластиковые. Железную дверь приделаем к парадному входу. Фонари куда-нибудь денем. Стены в серый цвет покрасим, чтобы не чистить. А с левого бока пивную построим. Красота!

— Это не реставрация, а убийство! — дружно сказали защитники дома. — Вас нельзя пускать к памятникам культуры!

Рассерженный директор уехал, но тревога за дом осталась. Дежурства не прекращались. Конечно, Мишке и его друзьям приходилось непросто. И всё же люди сохранили старинный дом. А через пару месяцев ему пообещали настоящую реставрацию. В доме опять захотели создать музей живописи или скульптуры.

На радостях Мишка написал портрет старого дома. Правда, домик сказал ему, что это пейзаж, и попросил, чтобы рядом с ним на картине были цветы и деревья, люди, птицы и звери, — весь мир! Мишка исполнил просьбу и получил в школе «пятёрку» за рисование.

А вы разбираетесь в искусстве?

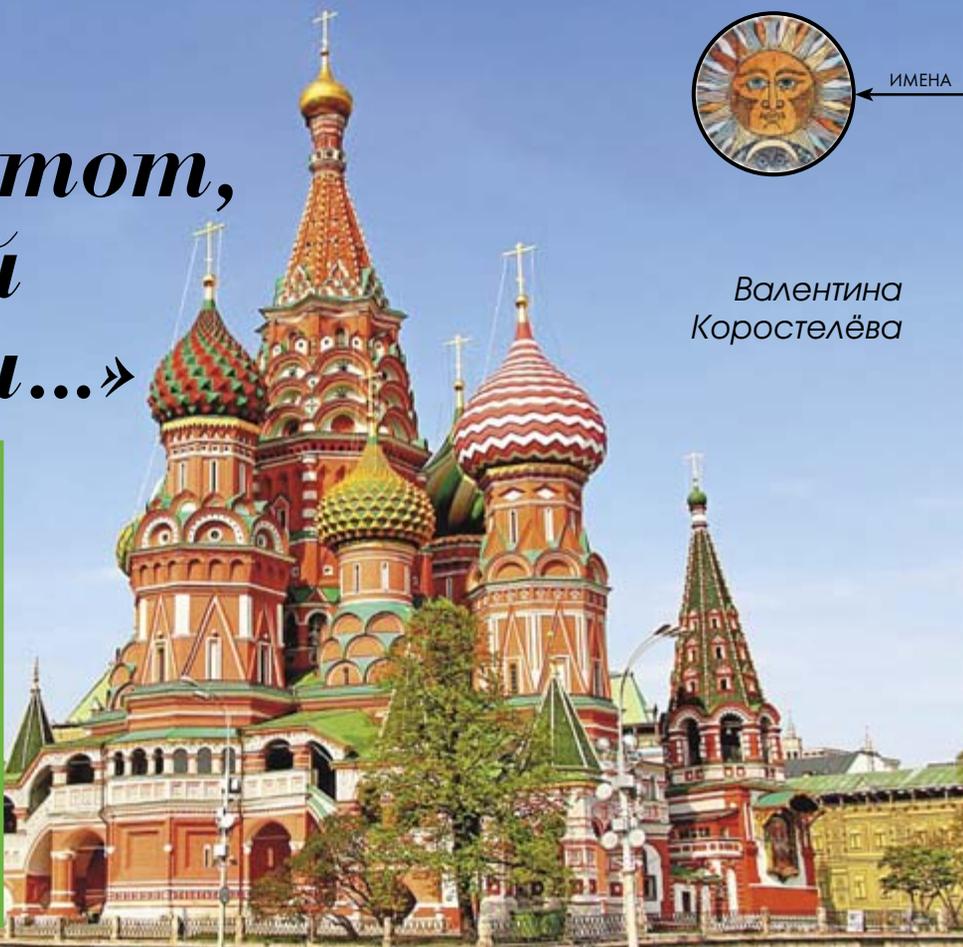

«Весь край этот, милый навек...»

ИМЕНА

Валентина
Коростелёва

110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДМИТРИЯ КЕДРИНА

Есть в нашей литературе произведения, что вознесены к славе самой судьбой. И, если бы даже ничего другого не было создано писателем, шедевр этот уже был бы оправданием целой жизни творца.

Речь идёт о небольшой поэме Дмитрия Кедрина «Зодчие». В ней всё сошлось: и близкий к народному язык, и сама интонация — песенная, пронзительная, и сам сюжет, что обязательно возьмёт в плен даже самого опытного книжочка, которого вроде бы и удивить-то трудно: столько трагических историй у него на памяти!

Как побил государь
Золотую Орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель, —
Гласит летописца сказанье, —
В память оной победы
Да выстроят каменный храм.

Кто не знает, кто не видал, хотя бы по фотографиям, собор Василия Блаженного, что украшает Красную площадь в Москве? Правда, так называться он стал уже позднее, а строился как храм Покрова Пресвятой Богородицы.

«Смерды!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей?
Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Отвечили зодчие: «Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

Невозможно не поверить каждому слову поэта, ибо он не только верен подкупающей, берущей за душу проникновенной интонации, но и с большим знанием дела описывает сам процесс создания архитектурного шедевра:

Мастера выплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

Конечно же, поэт хорошо знал легенду о том, что Иван Васильевич, прозванный в народе

Грозным, по окончании строительства храма повелел ослепить лучших на Руси зодчих, дабы нигде и никогда не смогли они сложить ничего подобного, равного по красоте этому храму.

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван,
В алтаре,
И при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

Свойство любого значительного произведения — это способность захватить и ум, и душу читателя так, чтобы невозможно было оторваться от певучих, в данном случае, строк, чтобы ни на мгновение не мелькнуло в его сознании неверие в то, о чём повествует автор.

И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма,
Другой, говорю?»
И, потрянув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

И вот уже ни автору, ни читателю не уйти от страшной развязки, и тут каждое слово — не только сквозь годы, но и сквозь сердце, которое уже никогда не забудет этого мига и накрепко сроднится с судьбой «безвестных владимирских зодчих», божьей милостью удивительно талантливых.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь

Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях,
И в землях Рязанских,
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Но художественное чутьё Дмитрия Кедрина не обрывает поэму этими строками и помогает читателю духовно подняться над трагедией в порыве благодарности замечательным мастерам своего дела и с ощущением великой гордости за Россию, что рождает такие таланты.

И стояла их церковь
Такая,
Что словно приснилась.
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гуслияры.

И пусть «страшная царская милость» осталась в легендах, но Дмитрию Кедрину удалось создать произведение, что вот уже скоро 80 лет звучит так же ново и пронзительно, как и прежде.

Поэма «Зодчие» была написана в 1938 году, однако известность пришла к Дмитрию Кедрину шестью годами раньше, когда из-под его пера

вышло стихотворение «Кукла», попавшее волею обстоятельств сначала к Горькому, а там и к руководству страны, в том числе, как говорят, и Сталину. Все дали «Кукле» высокую оценку, однако это не спасло его от будущих неприятностей как писателя. Достаточно сказать, что при жизни у него вышел только один небольшой сборничек «Свидетели» благодаря «неусыпным усилиям» цензуры, сократившей его до минимума.

Но вернёмся к «Кукле».

Как темно в этом доме!
Тут царствует грузчик багровый,
Под нетрезвую руку
Тебя колотивший не раз...
На окне моем — кукла.
От этой красотки безбровой
Как тебе оторвать
Васильки загоревшихся глаз?

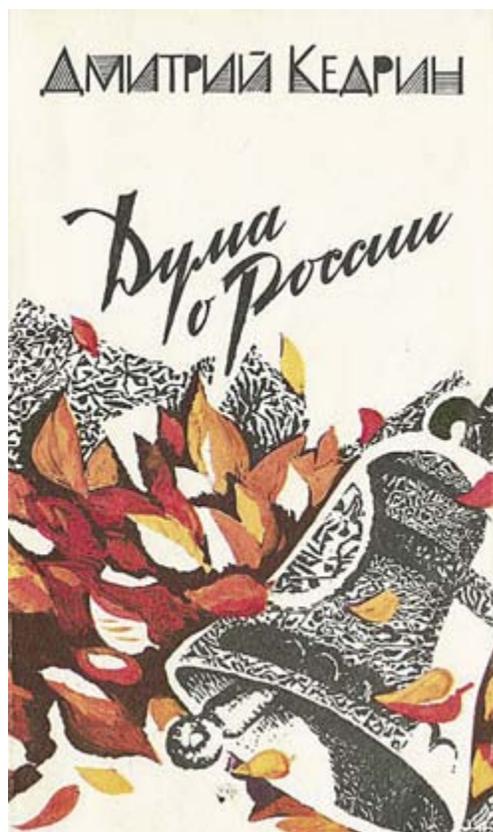
И, хотя официально было принято говорить только о достижениях в новой жизни молодого государства, Кедрин не хочет обходить и то, что живы пережитки семейного хамства в семьях, и то, что далеко не всем детям живётся радостно, как хотелось бы. И, как всегда, поэт рисковал попасть в число неугодных власти. Но искренность и правдивость повествования поневоле передавались читателю, кем бы он ни был.

Что ж!
Прильни к моим стеклам
И красные пальчики высунь...
Пес мой куклу изгрыз,
На подстилке её теребя.
Кукле — много недель!
Кукла стала курносой и лысой.
Но не всё ли равно?
Как она взволновала тебя!

И, наконец, автор дарит надежду, больше того, он уверен, что так не должно быть в любимой им стране и заканчивает стихотворение на высокой ноте, что, вероятно, и подкупило даже самых рьяных блюстителей «правильной» литературы.

...И оденут тебя,
И возьмут твои вещи,
И скажут:
«Дорогая!
Пойдем,
Мы дадим тебе куклу.
Не плачь!»

Быть справедливым было для Дмитрия Кедрина так же свято, как любить свою многострадальную родину. И когда давний знакомый, втираясь

к нему в доверие, по заданию свыше предложил писать доносы на друзей-писателей и получил твёрдый отказ, — то недвусмысленно пригрозил Кедрину расплатой... И такой день пришёл, и только через сутки жена Людмила смогла найти его, уже неживого. Похоронен поэт на Введенском кладбище Москвы, а в Мытищах есть памятник одному из любимейших поэтов России.

Конечно, сейчас мы имеем возможность гораздо шире, чем его современники, ознакомиться с творчеством Дмитрия Кедрина, где по-своему дороги нам и его трагические поэмы «Рембрандт», «Конь», «Приданое», «Певец», и такие стихи, как «Цветок», «Такой ты мне привиделась когда-то», «Солдат», «Родина», «Начинается ростепель марта», «Красота» и многие другие, — ведь это одна из достойнейших страниц русской поэзии.

Памятник поэту

Сергей Глядков

Когда они ещё не знали, что они РОБОТЫ

Первые сведения о человекообразных роботах относятся к области легенд. Правда, слова такого тогда ещё не знали, а механических самодвижущихся кукол называли автоматами. Говорят, что на фаросском маяке в Александрии, построенном в III веке до н.э., были установлены четыре позолоченные женские фигуры. Эти фигуры через определенные промежутки времени отбивали склянки, а ночью издавали трубные звуки. Как был устроен механизм этих статуй, предание не сообщает. На Руси у Ивана Грозного будто бы был механический слуга. Сохранились записки очевидца — купца Йохана Вейма: «Железный мужик на удивление всем подносил царю чашу с вином, кланялся гостям и что-то напевал на этом невыносимом русском языке, который мне так никогда и не поддался».

Существенно повлияли на совершенствование автоматов успехи часовщиков, в частности, изобретение ими пружинного часового механизма. Многие принципы и отдельные технические решения, применявшиеся в механических куклах, впервые были использованы в анимированных башенных часах, таких как часы на башне Староместской ратуши в Праге (1410) или астрономических часах Страсбургского собора (1574). В XVIII веке конструирование механических кукол приобрело особый размах. Известны автоматы Вокансона, а также швейцарских часовщиков Жаке-Дро —

«Писатель», изготовленный в мастерской Жаке-Дро

Пьера и его сына Анри. Некоторые из этих механизмов не просто дожили до наших дней, но вполне работоспособны.

Увидеть, как работает такая диковинка, можно, например, в Петербурге в Эрмитаже. Часы Павлин работы английского мастера Джеймса Кокса (сделаны около 1770 года) — типичный пример автомата. История этих часов полна драматических моментов. В 1777 году князь Григорий Потемкин приобрел их в Лондоне для императрицы Екатерины Великой. Но в процессе перевозки часы «подверглись повреждениям». Ивану Кулибину, которому поручили восстановить часы, передали просто груду фрагментов, беспорядочно сваленных в несколько корзин — многие детали были утрачены. Кулибин не просто отремонтировал шедевр англичанина, но, можно сказать, заново его воссоздал. Заняло это у него больше 15 лет. Зато часы до сих пор работают и вызывают восхищение своей сложностью и красотой.

В XIX веке изготовление автоматов поставили на поток. В архивах патентных ведомств зарегистрировано множество связанных с ними усовершенствований. В одной из таких историй принимал участие сам знаменитый Эдисон. Большинство его коммерческих начинаний были исключительно успешны. Но этот проект оказался настоящим провалом! В 1887 году была создана новая производственная компания «Эдисон-фонограф». Идея была по-

Часы Павлин. Эрмитаж

Кукла Эдисона. Современное фото и старинная гравюра, на которой показано устройство куклы и запись фонограммы

местить недавно изобретенный фонограф Эдисона в куклу. Говорящая кукла, читающая детский стишок, должна была стать в Америке обязательным подарком на Рождество 1890 года. Было изготовлено несколько тысяч экземпляров. Поскольку тиражировать звукозапись тогда ещё не научились, Эдисон нанял несколько сотен девушек для записи фонограммы — каждая кукла имела свой уникальный голос. Куклы были несколько раз проверены. Но дальше случилось непредвиденное. Миниатюрные патефоны были очень деликатными и хрупкими устройствами, практически все они были повреждены при транспортировке. Несколько этих кукол сохранились до наших дней. Выглядят они вполне прилично, но их голос, хотя и производит впечатление человеческого, даст фору любому фильму ужасов.

Япония — страна компьютеризации и роботизации — имела собственную древнюю историю изготовления механических кукол. Их называли «Каракури-нингё» — в переводе с японского «устройство, чтобы дразнить, обмануть или удивить человека». Их использовали

для детских игр, в театральных представлениях или в религиозных церемониях. Одна из самых известных таких кукол — кукла, подающая чай. Она приносит чашку гостю, когда чашку берут у нее с подноса, кукла останавливается. А когда чашку снова ставят на поднос, поворачивается и относит её назад. Япония, кроме всего прочего, ещё страна традиций. Так наряду с оригами и икебаной мастера до сих пор сохранили технологию изготовления каракури. Точные копии старинных кукол и сейчас в наш компьютерный век, как и сотни лет назад, изготавливают по сохранившимся чертежам.

Конечно, автоматизированные игрушки были апофеозом точной механики. В роботах, построенных в наши дни, гораздо меньше механических деталей — в них сложность достигается за счет электронных компонентов. Но если заглянуть внутрь какого-нибудь сложного современного устройства, например, жесткого диска в компьютере, мы найдем ту же доведенную до абсолюта механику, которая в течение веков оттачивалась и совершенствовалась в автоматах.

«Девушка-музыкант» из мастерской Жак-Дро

Схематический рисунок «Утки» Вокансона

Каракури, хранящаяся в Британском музее

Почеркушки

Оля училась в первом классе. Каждый раз, как только она собиралась делать уроки, кот Барсик садился на её стульчик и не уходил. Однажды Оля рассердилась.

— Если ты так безобразничаешь, делай за меня уроки!

Сказала и ушла гулять.

Этот разговор услышал маленький братик Стасик, он ещё не учился, но любил рисовать карандашом.

— Помогу сестричке школьное задание сделать — решил он, — пока её нет!

Он с трудом дотянулся до стола и все, что задумал, нарисовал: палочки, точки, закорюч-

ки. Пришла Оля с улицы. Барсик уже на стульчике спит. Заглянула она в тетрадь, а там почеркушки разные, удивилась:

— Так это ты, Барсик, решил мне помочь? Но ты наделал тут много ошибок. Мне придется исправлять. Ну ладно, так и быть, все сделаю заново! А ты смотри и учись!

Оля принесла ещё один стульчик, где сидел разбужен-

ный Барсик, и стала переделывать уроки. Барсик внимательно следил за шуршанием ручки и мурлыкал. А братик Стасик тоже наблюдал, как Оля школьные задания делает. Ему было немножечко стыдно за свои почеркушечки, и он решил обязательно научиться хорошо писать все буквы, чтобы в следующий раз сделать уроки для Оли без ошибок.

*****

Бегемотик

Маленький бегемотик никак заснуть не может. Лежит с открытыми глазами и видит: на дере-

ве сидит обезьяна и укладывает спать свою крохотную дочку-обезьянку. Она её нежно гладит ладошкой по спине и поет:

— Баю-бай! Спи, дочурка, засыпай!

— «Так вот почему я не могу заснуть, — решил бегемо-

тик, — меня надо погладить и побаюкать».

— Мама, — позвал он, — погладь меня по спинке и спой песенку, как тетя обезьяна делает. Тогда я засну!

— Хорошо, сынок, — ответила мама, — только гладить тебя буду веточкой, у меня нет ладошки, как у обезьянки, а копытцем моим сделать это невозможно.

Ухватила тут Бегемотиха ртом веточку, стала ему по спинке водить, хотела и спеть: «Баю-бай, сыночек, засыпай!»

А бегемотик вдруг как засмеется:

— Ой, мама, мне очень щеотно! Даже спать расхотелось. Видно, теперь я совсем не засну. — И Бегемотик закапризничал: — Хочу, чтобы меня кто-нибудь ладошкой погладил! Хочу-у!

Обезьянка, что жила на дереве, все слышала, все видела, спрыгнула с ветки, подошла к бегемотику и сказала:

— Какой ты ещё несмышлёныш. Сейчас я тебя успокою. — И запела: — Баю-бай. Спи, малышка, засыпай, — и ладошкой по спинке прошлась, а мама стала подпевать ей. Бегемотик закрыл глазки. Он почувствовал теплые ладошки обезьянки словно мамин бочок, когда он к ней прижимался. И бегемотик крепко, сладко заснул.

Встреча

БУХТИНЫ

Эту историю рассказала мне бабушка. Она тоже была когда-то девочкой. И однажды чуть не погибла...

В конце лета поутру она пошла в лес с подружками собирать ягоды кизила. Из них потом варили вкусное варенье или сушили для другой надобности.

Дело было на Северном Кавказе около казачьей станицы — так называли поселение, где жили казаки, которые несли военную службу.

Девочки взяли с собой корзинки и кружки.

Они шли по дороге и рассказывали друг другу новости.

— Наша корова родила такого ласкового теленка! Я пришла его молоком напоить, а он мне всю руку облизал, — рассказывала Варенька.

— А наша Мурка родила четверых котят — они все рыжие и уже сами сосут молоко, — сообщила её соседка Даша.

— А мой младший брат Гришка сам на лошади ездит и палкой размахивает, потому что настоящую саблю ему не дают, мал ещё. Но он уже много горшков перебил, что сушились на заборе. Мама ругалась на него, а тату хвалил, — поделилась Василиса.

Это раньше у казаков папу так называли — тату.

— Мой братишка тоже ездит верхом, а бабушка за забором не увидела лошади и кричит ему, чтобы слез поскорее на землю, а то весь плетень сломает, он у нас старый, — смеялась Оленька.

Девочки нашли кустарник, густо усеянный созревшим кизилом, и сначала залюбовались блестящими на солнце ягодами. Как будто сок из земли прошел через растение и стал просачиваться через его поры, но застыл среди зеленых листочков красными ка-

плями, которые как ожерелья украсили кусты.

— Как у моей мамы бусы, которые ей тату подарил, — сказала Варенька.

Подружки разошлись по округе и стали собирать ягоды двумя руками. Так быстрее.

Кружку подвешивали на шею. Когда она наполнялась, ягоды пересыпали в стоящую рядом корзинку.

Сначала девочки еще рассказывали что-то друг другу, пели песни.

Но шло время, солнце все больше припекало. От мельтешения ярких ягод глаза стали уставать, да и руки стали затекать, потому что были все время подняты вверх. Каждой девочке хотелось поскорее наполнить корзинку и отправиться обратно домой.

Все притихли и только перебирались с места на место, когда ягод становилось мало.

Вот и Варенька из последних сил добирала свою корзинку.

— Вот сейчас кружка будет полной, и тогда посмотрю, кто это

рядом со мной ягоды собирает, — подумала она, слыша, как кто-то топчется. У нее под ногами тоже хрустели упавшие веточки.

Наконец, кружка наполнилась. Она пересыпала ее в корзинку.

Девочка хотела окликнуть подружек, но сначала заглянула за обратную сторону куста и застыла с открытым ртом... потому что увидела медведя! Он стоял на задних лапах и жадно ел ягоды.

Варенька подхватила корзинку и попятилась в другую сторону.

— Только тихо, только быстро, — шумело у нее в голове.

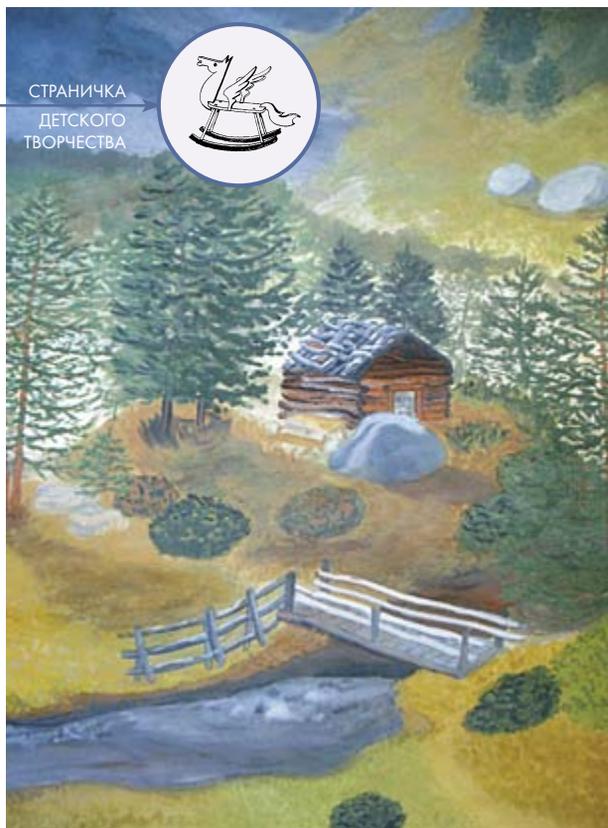
— Там медведь, — хрипло прошептала она нашедшимся поодаль подружкам и махнула свободной рукой в сторону опасного лохматого соседа.

И девчонки побежали что есть мочи домой.

Почему у Вареньки хватило сил, мужества и ума не запаниковать, не закричать, а поэтому спастись самой и спасти своих подружек?! Но главное, что хватило!

Поэтому и рассказала она мне эту историю. А я рассказала ее вам.

Фарбитникова Виктория. Сторожка

*Екатерина Илигенова,
член Союза журналистов России*

Как юные оренбуржцы пишут свою Вселенную

Оренбургской литгруппе юных авторов «Расцветающий сад» в этом году исполнилось двадцать лет. На год раньше создана литгостиница при отделе «Истоки» областного Дворца творчества детей и молодежи им. В. П. Поляничко, объединяющая около двухсот детских литобъединений по всему Оренбуржью. Ребята не только пишут стихи, сказки и рассказы, но и составляют родословные, занимаются краеведением. Лучшие работы публикуются в коллективных сборниках, которых за последние два десятилетия уже вышло более 25. «Здравствуй — это я!», «Небо детства», «В поисках Аленького цветочка», «Шкатулка счастья», «Там, где я живу», «Ручейки», «Им памятью платит горячее сердце», «Ухожу я в мир природы», «Путеводитель по аксаковским местам», «Сохрани счастливые мгновения» — и это только малая часть книг произведений.

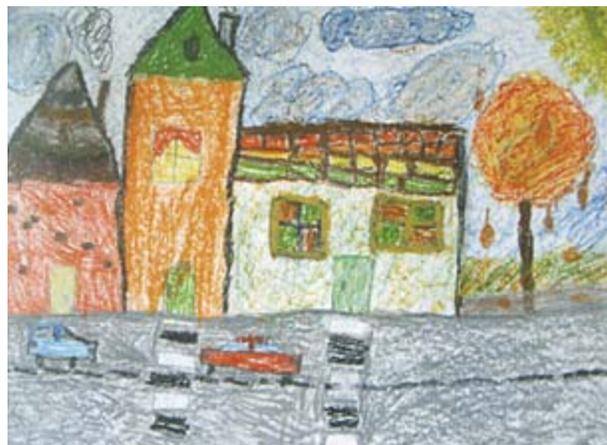
«Первую песенку, зардевшись, спеть всегда отраднo, — отмечает составитель сборников, наставник юных дарований, член Союза писателей России Геннадий Хомутов, — с таких малых литературных форм начинается дорога в большое творчество, которое дает возможность ощутить общую творческую свободу, чем бы ни занялся ребенок в будущем».

Все работы посвящены родному краю, землякам, непростым вопросам, которые ставит сегодня время, наверно, перед каждым из нас. Найти свое противоядие пошлости, бескультурью, злу, вопреки всему нести в мир добро — задача-максимум для этих мальчишек и девчонок. И надо сказать, они блестяще с ней справляются.

Свой вклад в воспитание литературных талантов вносит и Оренбургская православная епархиальная гимназия имени Св. прав. Иоанна Кронштадтского. Со дня основания учебного заведения, а в этом году ему исполнилось уже 15 лет, здесь выходит ежегодный журнал «Светлячок», рассказывающий о жизни гимназии. Душой и создателем журнала стала педагог начальных классов и церковнославянского языка, автор учебника «Поэтика псалтири» Ольга Мокшенинова. Каждый номер становится своеобразным творческим отчетом гимназистов. «Это летопись нашей школьной жизни», — говорит сама Ольга Михайловна.

Пожелаем всем юным оренбуржцам новых творческих побед, идей и вдохновения.

В рубриках «Наш вернисаж» и «Страничка детского творчества» «Детская роман-газета» представляет творчество юных оренбуржцев.

Ошкин Алексей. Осенний Орск

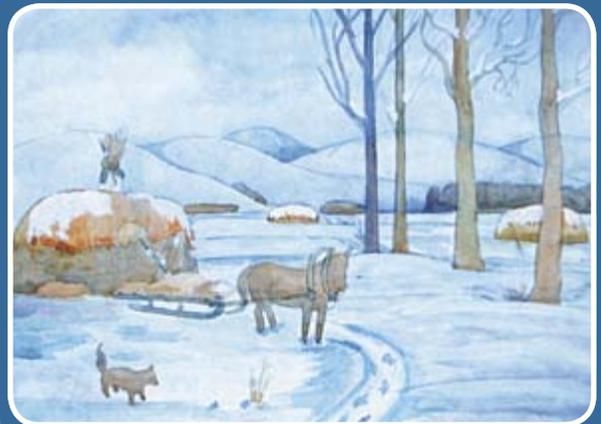
Наш ВЕРНИСАЖ

1

4

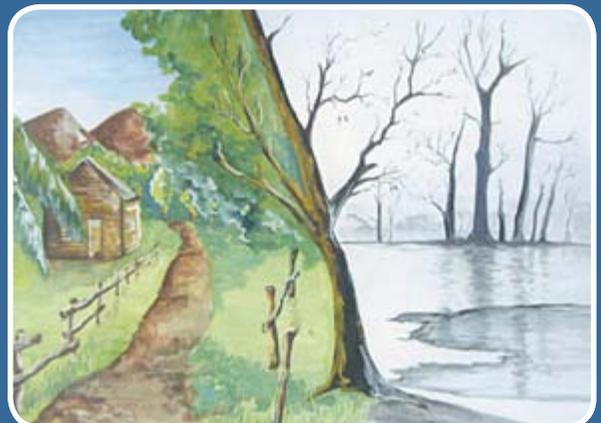
5

2

3

6

1. Папшева Наталья. Мартовский кот
2. Фёдорова Мария. Страничка из жизни моего города
3. Живоденко Сергей. Оренбургская крепость
4. Губеева Гузалия. Город души
5. Малахов Александр. Зимние работы
6. Мамаева Инна. У природы нет плохой погоды

**О
и
Ашийки**

«Все понятно, что ни на листе бумаги, ни на полотне нарисованные герои не могут двигаться. Но художник-волшебник должен создать для зрителей иллюзию движения».

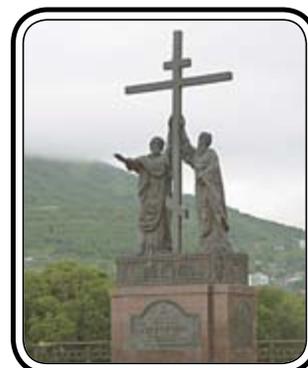
Л. Владимирский

Л. Владимирский. Н. Носов. «Приключения Незнайки

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Кукушка и Звукодуй

УГОЛОК РОССИИ:
Город «Петра» и «Павла»

БУХТИНЫ:
Встреча